

собрание сочинений

ВЛАДИМИР ШИГИН

исторический роман

КАЛИАКРИЯ

Морская слава России

Владимир Шигин

Калиакрия (Собрание сочинений)

«ИП Каланов»

2010

Шигин В. В.

Калиакрия (Собрание сочинений) / В. В. Шигин — «ИП Каланов», 2010 — (Морская слава России)

Книга посвящена русско-турецкой войне 1787–1791 гг., в ходе которой были одержаны морские победы при Очакове, Фидониси, Керчи, Калиакрии, а Россия окончательно завоевала господство на Черном море. Большое внимание в книге уделено штурму Измаила, сражениям при Фокшанах и Рымнике. Среди героев книги: императрица Екатерина Вторая, князь Потемкин, генерал-аншеф Суворов, адмиралы Ушаков и де Рибас, капитаны Ламбро Качиони, Сакен и Веревкин.

© Шигин В. В., 2010

© ИП Каланов, 2010

Содержание

Пролог	6
Часть первая	18
Глава первая	18
Глава вторая	25
Глава третья	39
Глава четвертая	52
Глава пятая	59
Часть вторая	63
Глава первая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Владимир Шигин

Калиакрия (Собрание сочинений)

*...Запад есть Запад, Восток есть Восток,
И с места они не сойдут,
Пока не предстанут Небо с землей
На страшный Господень суд.*

Р. Киплинг

© Владимир Шигин

Пролог

Над Петербургом метался зимний балтийский ветер. У Зимнего дворца, спасаясь от мороза, жгли дымные костры ямщики. Поодаль переминались с ноги на ногу замерзшие вельможи. Все ждали. Наконец, ровно в полдень на парадной лестнице показалась закутанная в меха императрица Екатерина Вторая. Несмотря на холод, она была улыбочива и весела.

– Ну что ж, господа, будем рассаживаться! – обвела всех близоруким взглядом.

Путаясь в длинных шубах, вельможи и послы, генералы и фрейлины расселись по стоявшим на Дворцовой площади дорожным возкам.

– С богом, – перекрестилась императрица. – В добрый путь!

Гикнули ямщики, всхрапнули застоявшиеся кони, заскрипели по накатанному снегу полозья. Санный поезд тронулся в безбрежную стылую даль.

Так в канун Рождества 1787 года началось знаменитое южное путешествие императрицы Екатерины Второй, прочертившее Россию от моря Балтийского до моря Черного.

Путь был не близок: через Смоленск и Чернигов на Киев, а потому ехали не торопясь, со всем двором, посольским корпусом и обозом лакеев. Три месяца Екатерина провела в древней русской столице, вникая в дела Малороссии. Дальше двинулись уже по Днепру на галерах.

Во главе гребной флотилии расписанная золотом и устланная коврами галера «Десна» под началом бравого лейтенанта Шостака. Гремела музыка, металась лакеи с подносами, небо и волны расцветивали вспышки оглушительных фейерверков. Лейтенант Иван Шостак вел свою галеру ювелирно. Посол Франции граф Сегюр, глядя на это, говорил Екатерине:

– Это, наверное, у вас, государыня, лучший из лучших!

– Вовсе нет, – смеялась та в ответ, – у меня все моряки brave!

В Кременчуге императрицу встречал властитель южных провинций империи князь Потемкин. При нем, прибывши в поисках славы из Франции, принц Нассау-Зиген.

Вдоль берега выстроились конные полки с саблями наголо. Приветствуя речной караван, ударили холостыми зарядами пушки. Солдаты перекатами кричали оглушительное «ура». Бывшие при императрице послы французский граф Сегюр, английский Фиц-Герберт и австрийский граф Кобенцаль то и дело переглядывались. Масштабность увиденного впечатляла. Но куда большие удивления их еще ждали впереди!

Екатерина Вторая в дорожном костюме, 1787.

Из Херсона навстречу Екатерине Второй уже спешил австрийский император Иосиф. Предстоящая встреча должна была решить будущую совместную политику на их южных рубежах. Именно поэтому Екатерина пригласила Иосифа посетить вместе с ней свои причерноморские владения. Австрийский император приглашение принял и выехал навстречу российской императрице под именем мифического графа Фалькенштейна.

В глухой степи у Новых Кайдаков оба монарха встретились. Свита обоих где-то отстала, и некому было даже приготовить обед двум голодным монархам. Пока императрица беседовала с императором, за приготовление еды самолично взялся князь Потемкин. Пока князь ловко обжаривал молочного поросенка, принц Нассау-Зиген с не меньшей ловкостью сервировал стол на четверых, рассказывая одновременно свежие парижские анекдоты, что вызывало всеобщий смех.

Наконец все расселись. Первый тост по праву хозяйки провозгласила Екатерина:

– Я пью за дружбу двух верных союзников!

Иосиф, поднимая ответный бокал, был изысканно галантен:

– Я горд быть Вашим другом, мадам, и счастлив лицезреть эти полуденные края – истинную жемчужину Вашей империи!

9 мая прямо среди огромного макового поля Екатерина торжественно заложила новый губернский город Екатеринослав. В тот же день она пожаловала князю Потемкину кайзер-флаг главнокомандующего над юным Черноморским флотом. Это было не только признанием заслуг уже оказанных князем Отечеству, но и авансом на будущее.

Светлейший князь Григорий Потёмкин-Таврический

Затем галеры двинулись дальше к устью Днепра. У коварных Ненасытинских порогов, императрица и свитой покинули суда и перебрались в кареты. Потемкину, рвавшемуся было показать свою удаль при форсировании порогов, Екатерина велела быть при ней и наблюдать проход галер между камней с берега. Первым на глазах у всех ювелирно провел впритирку к оскаленным камням свою «Десну» отчаянный Шостак. За ним маневр не менее блестяще повторили остальные.

– Это у тебя лучшие из капитанов? – теперь уже сама Екатерина поинтересовалась фаворита.

– Обычные! – деланно пожал тот плечами.

12 мая кортеж уже торжественно въезжал в Херсон. На восточных воротах города красовалась надпись на греческом языке: «Дорога в Византию». С новостроенных бастионов гремели и чадили клубами дымов пушки. После торжественной литургии в соборной церкви Святой Великомученицы Екатерины, именитые херсонские граждане были допущены к монаршей руке.

Затем Екатерина с Иосифом отправились смотреть корабельные верфи. Императрица при этом, сообразно моменту, была в белом флотском мундире, Иосиф – в темно-зеленом армейском. Снова гремела музыка. По смазанным салом полозьям один за другим величаво съехали и закачались на пологой днепровской волне 80-пушечный линейный корабль «Иосиф», 70-пушечный «Владимир» и 50-пушечный «Александр». Тут же Потемкин представил Екатерине и генерал-аншефа Суворова, о котором уже шла слава, как о первом полководце империи.

Александр Васильевич Суворов

В 1787 году Суворову было пятьдесят семь лет. На вид он был хил и сгорблен, с седою головою и морщинистым лицом. Однако при этом здоров, проворен и неутомим.

О его странностях уже рассказывали легенды, как обычно сильно все преувеличивая.

На сопровождавших Екатерину иностранцев Суворов произвел сильное впечатление. Посол Сегюр сразу узрел в нем гения, о чем немедленно с тревогой известил Версаль.

Генерал-аншеф знал, что в придворных кругах распускаются слухи о его немощности и дряхлости и не преминул при случае доказать обратное. Во время первой же прогулки с императрицей по воде, когда лодка приставала к берегу, Суворов ловко первым ловко наспрыгнул на берег.

– Ах, Александр Васильевич, какой вы молодец! – рассмеялась Екатерина.

– Какой же я молодец, матушка, когда говорят, будто я инвалид! – хитро улыбаясь, ответил генерал.

– Едва ли тот инвалид, кто делает такие сальто-мортале! – возразила Екатерина.

– Погоди, матушка, еще не так прыгнем в Турции! – отвечал ей, довольный произведенным эффектом Суворов.

Император Иосиф, осмотрев Херсон, не отказал себе в удовольствии упрекнуть сиятельного князя.

– Ваши укрепления выведены наскоро, – показывал он ему рукой, – Фасы слишком длинные, а куртины, наоборот, коротки, верхи небрежны. На мой взгляд, не все благополучно и в вашем флоте, ведь корабли из сырого дерева!

Путешествие Екатерины II в Херсон. 1797

Потемкин особо не возражал. Яркое солнце дробилось в бриллиантах его перстней.

– Рядом турки, а потому мы все делаем торопясь, и на них оглядываясь. Придет время, все поправим как должно. Пока же ждать десять лет пока лес корабельный высохнет нам некогда. Флот нужен сегодня, и он у нас есть, а это главное!

Секретарь императрицы Храповицкий, тем временем, торопливо записывал ее слова: «Народа здесь... великое множество и разноязычие с большей части Европы. Смогу сказать, то мои намерения всем крае приведены до такой степени, что нельзя оных оставить без должной похвалы. Усердное попечение везде видно и люди к тому избраны способные».

Затем по приглашению Суворова Екатерина решила было посетить Кинбургскую крепость, что разместилась на конце длинной песчаной косы против турецкого Очакова. Но затем от этого намерения пришлось отказаться. Приезд русской царицы на черноморские берега и без того всполошил турок. По существу, с приездом в Херсон из Константинополя российского

посла Булгакова и австрийского Герберта, там собрался настоящий международный конгресс, обсуждавший вопрос закрепления России в северном Причерноморье.

Турки оставаться равнодушными к столь явному демаршу не были намерены, а потому Константинополь срочно выслал к Очакову свой линейный флот. Подойдя к самому Кинбурну, армада турецких кораблей недвусмысленно ошетилилась сотнями орудий. Впрочем, Екатерина турецкой демонстрации нисколько не испугалась и долго наблюдала за ней с берега.

– Султана я нисколько не боюсь, но война нам сейчас ни к чему! – говорила она всем. – Нам нужно еще хотя бы десять мирных лет, чтобы укрепиться, но к достойному отпору мы готовы и сейчас! Французскому ж послу графу Сегюру, чье правительство не без оснований считали главным подстрекателем турок к войне, она заявила тут же напрямую:

– Эти паруса! – итог интриг вашего кабинета против меня!

Граф неловко оправдывался:

– О, ваше величество, действия Высокой Порты вызваны лишь военными демаршами дюка Потемкина! Она стишком испуганна!

17 мая Екатерина покинула гостеприимный Херсон. Теперь ее путь лежал в Крым. У Перекопа кортеж императрицы встретили донские казаки атамана Иловайского. Джигиты, с гиканьем носились они перед изумленными зрителями.

– Импосибл! – развел руками посол английский.

– Дас ист фантастиш! – обрел дар речи посол австрийский.

На подъезде к Бахчисараю в почетный эскорт вступили крымские татары. Бывшая столица разбойного ханства встретила российскую самодержицу толпой длиннородых мулл во главе с муфтием. Императрица остановилась в ханском дворце. С особым интересом осмотрела комнаты бывшего гарема.

– Ведь это золотая клетка! – печально сказала она, сопровождавшему ее Потемкину. – Бедные женщины, ведь они старились и умирали, не покидая этих стен!

В тот вечер Екатерина писала в Петербург: «Весьма мало знают цену вещам те, кои с уничтожением безолазили приобретение сего края: и Херсон, и Таврида со временем не только

окупятся, но, надеяться можно, что если Петербург приносит восьмую часть дохода империи, то вышеупомянутые места превзойдут плодами бесплодные места».

А царский поезд уже подъезжал к Инкерману. Теперь, поражая взор именитых путешественников, в эскорте кортежа мчались на тонконогих конях обворожительные греческие девушки – амазонки. Дочери неукротимых корсаров, они бесстрашно поднимали на дыбы своих скакунов.

– Это словно сказка Шахерезады! – улыбалась императрица.

– Это сказка, ставшая явью! – отвечал ей светлейший князь.

На берегу моря гостям устроили павильон для обеда. Когда же все расселись за столами в предвкушении обильной трапезы, внезапно упал занавесь и взору потрясенных вельмож и послов предстал во всем своем блеске новорожденный Черноморский флот. В тот же миг Потемкин взмахнул платком и стоящие на рейде корабли грянули дружным артиллерийским залпом.

Пораженный увиденным, граф Сегюр записал в свой путевой дневник: «Все придавало Севастополю вид довольно значительного города. Нам казалось непостижимым, каким образом в 2000 верстах от столицы, в недавно приобретенном крае, Потемкин нашел возможность воздвигнуть такие здания, соорудить город, создать флот, утвердить порт и поселить столько жителей; это действительно был подвиг зонной деятельности».

Черноморские ж корабли, меж тем, отсалютовав императрице, открыли внезапно ожесточенный огонь по стоящему на берегу макету крепости. Свистели ядра, летели разнесенные в щепу бревна укреплений, вспыхивали в местах метких попаданий брандскугелей деревянные бастионы. Едва смолк последний залп к берегу лихо подошел гребной катер.

– Прошу вас посетить флагманскую «Славу Екатерины»! – склонил голову перед императрицей Потемкин.

Гребцы четко держали весла «на валеке». По одному борту сидели блондины, по другую, наоборот, брюнеты. Садясь в катер, Екатерина поприветствовала матросов:

– Здравствуйте, друзья мои!

– Здравствуй и ты, матушка, царица наша! – дружно ответите те.

– Как далеко я ехала, чтобы только увидеть вас! – улыбнулась черноморцам императрица.

– Да что этакой матушке-царице с этого станется! – услышана она внезапно для себя весьма двусмысленный комплимент.

Удивленная Екатерина обернулась к стоящему подле, начальнику Севастопольской эскадры графу Войновичу:

– Какие ораторы, твои матросы!

История сохранила имя этого матроса – Иван Жаров.

Гости на шлюпках объезжали стоящий на якорях флот. Матросы выстроены по рядам, отовсюду несется «ура». Катер Екатерины подходит к парадному трапу корабля своего имени. Императрица поднимается на борт. Теперь она в форме полного адмирала с тремя положенными по чину золотыми пуговицами на обшлагах мундира. Граф Войнович представляет ей своих капитанов:

– Ушаков, Голенкин, Алексиано...

Капитаны подходят поочередно, склонив завитые париками головы, целуют протянутую им руку. В кают-компании царица провозглашает тост:

– Я пью за черноморских офицеров и их доблестный флот! За тех, кто готовы выплеснуть моря и сдвинуть горы!

На следующий день Екатерина продолжила осмотр города и порта, ознакомилась с руинами древнего Херсонеса.

Желчный и умный граф Сегюр (недруг) выделил для себя самое главное.

– За каких-то сорок восемь часов ваш флот может объявиться у Константинополя! Скажу прямо, что это меня ни столько восхищает, сколько пугает! – сказал он после увиденного в Севастополе Потемкину.

– Что ж, – пожал плечами в ответ светлейший, – Восхищайтесь и...пугайтесь!

Зато император Иосиф (друг) был увиденным доволен вполне, ибо видел в этом залог успешной совместной борьбы с турками:

– Воображаю себе, – смеялся он вечером за рюмкой сладкого местного вина, – Что за мысли должны теперь занимать султана! Ведь он отныне находится в постоянном ожидании, что ваши молодцы придут и побьют пушками стекла его сераля!

Биограф князя Потемкина А. Брикнер писал: «Флот... в Севастополе чрезвычайно понравился Екатерине, отчасти даже Иосифу и внушал сильные опасения Сегюру. Роль его могла быть чрезвычайно важною».

Вечером того же дня бомбардирский корабль «Страшный», оглушительно паля своими тяжелыми мортирами, в четверть часа сжег выстроенный для него на берегу деревянный городок. Это был финальный аккорд пребывания императрицы в Севастополе, и он удался на славу!

Оглушенный от взрывов начиненных порохом бомб, Сегюр подошел к Потемкину:

– Я скоро уезжаю в отпуск во Францию и обещаю вам, что непременно расскажу там о сказке, которую вы нам явили! Прежде ж всего о Херсоне с его огромными верфями и блестящем Черноморском флоте!

– Что вы, граф, – ответил Потемкин. – Это лишь начало, то ли будет потом!

Для истории сохранились бесценные свидетельства пребывания Екатерины II в Тавриде.

Прежде всего, надо отдать должное объективности императора Иосифа II: «Надобно сознаться, что это было такое зрелище, красивее которого трудно пожелать. Севастополь – красивейший порт, какой я когда-либо видел... Настроено уже много домов, магазинов, казарм, и если будут продолжать, таким образом, в следующие три года, то, конечно, этот город делается очень цветущим. Все это очень не по шерсти французскому посланнику, и он смотрит страшно озадаченным... Судите же, мой любезный маршал, на какие неприятные размышления все это должно наводить моего собрата – повелителя правоверных, который никогда не может быть уверен, что эти молодцы не явятся, не ныне завтра, разгромить у него окна пушечными выстрелами... Императрица находится в восторженном состоянии по поводу всего, что

она видит, и при мысли о новой степени величия и могущества, на которую это возводит русскую империю. Князь Потемкин в настоящее время всемогущ, и его чествуют выше всякого представления».

Французский же посланник граф Сегюр писал в своем отчете в Версаль следующее: «Мы увидели в гавани в боевом порядке грозный флот, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный в два года. Государыню приветствовали залпом из пушек, и грохот их, казалось, возвещал Понту Эвксинскому, что есть у него повелительница и что не более как через 30 часов корабли Ея могут стать перед Константинополем, а знамена ее армии развеваются на стенах его... Нам казалось непостижимым, каким образом в 2 000 верстах от столицы, в недавно приобретенном крае Потемкин нашел возможность построить такой город, создать флот, укрепленную гавань и поселить столько жителей, это был действительно подвиг необыкновенной деятельности».

Действительно, Екатерина в полной мере оценила значение приобретения Крыма и предрекла новому краю процветание. В адресованном генералу Еропкину письме из Бахчисарая она писала: «Весьма мало знают цену вещам те, кои с уничтожением бесславили приобретение сего края: и Херсон, и Таврида со временем не токмо окупятся, но надеяться можно, что, если Петербург приносит восьмую часть дохода империи, то вышеупомянутые места превзойдут плодами бесплодные места... С сим приобретением исчезает страх от татар, которых Бахмут, Украина и Елисаветград поныне еще помнят с сими мыслями, и я с немалым утешением, написав сие к Вам, ложусь спать сегодня, видя своими глазами, что я не причина вреда, но величайшую пользу своей империи».

После осмотра красот Южного берега, Екатерина направилась в Полтаву. Император Иосиф засобирался в Вену. Отъезд его ускорили тревожные новости о беспорядках в Нидерландах.

– Я приглашаю вас посетить меня в Петербурге! – протянула на прощание руку австрийскому императору российская императрица.

– С огромным удовольствием принимаю это приглашение! – отозвался Иосиф, руку ее целуя.

Однако с Екатериной австрийский император более уже никогда не встретится. Иосиф Второй скоропостижно умрет несколько месяцев спустя. Но главное он все же успеет сделать: обеспечить союз двух держав в начавшемся противостоянии с Турцией.

Медаль в память путешествия Императрицы Екатерины II в Крым. 1787 г.

Путешествие Екатерины по южным окраинам империи имело характер политической демонстрации, и эта демонстрация получилась весьма впечатляющей. Европа с удивлением узнала, что в русском Причерноморье уже выстроены города и крепости, созданы армия и флот. Однако было очевидным, что полного господства над северными берегами Черного моря Россия еще не имела. Турция сохранила там все свои важные крепости. Решить окончательный вопрос господства на этих берегах могла только новая война. Российскую партию войны возглавлял Потемкин.

В своих разговорах с Сегюром, Потемкин прямо обвинял Францию в поддержке варваров-турок, и говорил о необходимости определить для Турции «более удобные границы ради избежания дальнейших столкновений».

– Я понимаю, – возражал Сегюр. – Вы хотите занять Очаков и Аккерман! Однако это почти-то же самое, что требовать у султана Константинополя! В таком случае война неизбежна!

– Что ж, – пожимал плечами светлейший. – Иногда приходится объявлять войну с целью сохранения мира!

Европейские послы в Петербурге, однако, дружно считали в ближайшее время войну России с Турцией невозможно, по причине полной неготовности России. Саксонский посол Гельбиг, сообщая в донесении своему правительству о русской армии, доносил, что численность ее на бумаге сильно преувеличена и смертность в войсках ужасающа. Тоже писал и прусский посол Келлер.

Что касается вездесущего Сегюра, то он всем рассказывал придуманный им же самим анекдот, что возможная война будет иметь для России единственную цель – дать Потемкину Георгиевскую ленту.

На обратном пути российская императрица уже нигде не задерживалась. К этому времени к ней уже начали поступать неприятные известия о военных приготовлениях Стокгольма. Шведский король Густав Третий усиленно вооружал армию и флот, недвусмысленно грозя нелюбимой им России. Трясаясь в карете, Екатерина с тревогой рассуждала:

– Нам бы еще несколько лет мира на рубежах южных, да удержаться в мире на рубежах балтийских. Не дай бог грянет где-нибудь! Но будем надеяться, что все обойдется!

Увы, не обошлось! Война грянула да не одна, а сразу две!

Со времени путешествия императрицы от Балтики до Черного моря пройдет совсем немного времени и России придется вступить в долгую и кровавую борьбу за обладание этими морями.

Часть первая Сражение за Кинбурн

Глава первая На пороге войны

В конце восьмидесятых годов восемнадцатого столетия Россия вступала в новую полосу больших европейских войн. И если на северных рубежах жаждал реванша за Полтаву и Гангут самолюбивый и азартный шведский король Густав Третий, то в придунайских степях собиралось неисчислимое турецкое воинство, чтобы вновь навалиться всею силой на дерзких москвитов.

В Петербурге нервничали изрядно. Императрица Екатерина Вторая войны не желала. Наши силы на юге были в сравнении с турками явно неравными. Новостроенный Черноморский флот состоял всего из шести линейных кораблей, полутора десятков фрегатов и нескольких десятков более мелких судов.

Для удобства флот, правда, разделили на две эскадры: Корабельную контр-адмирала Войновича в Севастополе и Лиманскую контр-адмирала Мордвинова в Херсоне. Но, как первая, так и вторая эскадры, были все равно очень слабы для столкновения с огромным турецким флотом. Не лучше было положение дел и в армии. Пустынные степи только начинали заселяться переселенцами. А из трех рекрут что гнали из русской глубинки до черноморских берегов доходил лишь один.

Между тем, шли уже последние мирные месяцы...

* * *

Еще в феврале 1787 года министр иностранных дел Высокой Порты – реис-эфенди Нишаджи Сулейман-эфенди, известный своей ненавистью к России и сумасбродным нравом, пригласил к себе нашего представителя в Турции Лошкарева.

– Мы недовольны тем, что на наших границах стоит много ваших войск! – заявил он. – Неужели мы больше не друзья?

Лошкарев, понимая, что реис-эфенди говорит с подачи английского посла, к которому всегда прислушивался, был с ответом резок:

– Вы слушаете советы мнимых друзей, кои имеют свои интересы, но не интересы Высокой Порты. Так уже было в прошлую войну, когда все пользовались выгодами, и только Порта осталась обманутой. Что же касается нашего военного ополчения на юге, то народу у нас много и такие войска мы содержим на всех границах!

– Что же вы желаете?

– Желаем же мы едино, чтобы соблюдался трактат, заключенный между нашими империями!

Министр и посланник расстались холодно.

Высокая Порта спешно вооружалась. Янычарам увеличили жалование, и они пока присмিরели. В Константинопольском адмиралтействе чинился и вооружался флот. На литейном дворе день и ночь лили для кораблей новые медные пушки. В один из дней с проверкой в Топханы – турецкое адмиралтейство явился визирь Юсуф-паша, глава партии войны. Его встре-

чал адмиралтейский начальник – чауш-баши и вице-адмирал Хассан-бей, замещавший капудан-пашу Эски-Гассана, который наводил порядок в Египте.

– Чем могу помочь, досточтимый, Хассан-бей? – спросил великий визирь вице-адмирала, когда они испили четыре чашки крепкого кофе.

– Трудом и молитвами мы уже снарядили большую часть нашего флота, который добудет славу падишаху вселенной, вот только две последние шебеки на волне шатки и тихоходны!

– А кто их строил? – поднял бровь визирь.

– Мастер Георгий Спаи!

Визирь кивнул, стоявшему в дверях капуджи-баши. Тот мгновенно исчез.

Когда хозяин и гость выпили пятую чашку, капуджи-баши возник в дверном проеме снова.

– Воля господина исполнена, нечестивый мастер повешен на адмиралтейском заборе!

– Доволен ли ты моей помощью, досточтимый Хассан-бей? – повернул голову к хозяину гость.

– Спасибо тебе, о разумнейший из разумнейших! – оторопело склонил голову вице-адмирал, который только что лишился лучшего корабельного мастера. – Не зря говорят люди, что ум твой есть награда Аллаха всему миру!

– Всегда рад помочь лучшему из властителей моря! Мой палач всегда к твоим услугам!

Едва визирь покинул адмиралтейство, раздосадованный Хассан-бей принялся диктовать письмо султану, в котором слезно просил нанять у англов или франков хотя бы одного корабельного мастера, так как свой «внезапно неожиданной болезнью помер», а заодно и морских офицеров. Французы оказались понятливыми, и буквально через полтора месяца из марселя прибыл известный корабельный мастер Лероа с помощниками. Вместе с ними появились и военные инструктора, которые должны были помочь туркам воевать в море по-европейски.

То, что увидели французские офицеры в турецком флоте, повергло их в полное изумление. Удивляться и на самом деле было чему! Целыми днями турецкие матросы валялись у своих пушек на войлоках, там же курили свои длинные трубки и пили кофе, больше их совершенничать не волновало. Зато в каждом орудийном деке имелось по две кофейни, где беспрестанно жарили и варили крепчайший кофе. Обходя корабль, редко можно было встретить спешащего куда-то матроса. Все только лежали, курили и кайфовали. Когда же инструкторы по собственной инициативе лазили на салинг, то турки собирались поглазеть на это действие, как на настоящее чудо, потому, как сами без хлыста и понуканий никогда бы туда не полезли.

Но ужасней всего было для педантов французов то, что в крьюйт-камерах порох был насыпан на палубу кучами, а ее содержатель лежал рядом с открытым люком, лениво попыхивая чубуком.

Что касается Хассан-бея, да и всех других турецких адмиралов, то такое положение дел они считали вполне обычным делом и весьма удивлялись, когда французы пытались им что-то доказать.

– И чего эти франки всем недовольны! Так плавали наши деды еще при великом Барбароссе, так плаваем мы, так будут плавать и после нас!

Самого Хассан-бея сейчас куда больше волновал вопрос с набором команд. Турки, да и греки, служить и воевать на судах не желали и разбегались, лишь только узнавали об очередном флотском наборе. Хватать поэтому приходилось всех, кто попадался под руку. Для охоты за будущими моряками Хассан-бей разослал в разные стороны с десятков адмиралтейских чиновников-чаушей, но и им удалось немного.

Французы же, в лице посла, помимо помощи с мастерами, еще раз заверили турок в том, что «в настоящих худых обстоятельствах не оставят Порту без помощи и что „на сей конец в Тулоне уже во всей готовности стоит 22 корабля, чтобы отправиться в случае нужды в Архипелаг для крейсирования“».

– Не бойтесь русских! Если вам будет нужна наша помощь королевский флот немедленно встанет в Босфоре!

Помимо всего прочего французский посол передал великому визирю и особый план обороны границ. Толку с этого плана, правда, не было никакого, так как написан он был по правилам армии Людовика Шестнадцатого, а не армии султана Абдул-Гамида, но туркам такая забота все равно была приятна.

На приеме у султана Юсуф-паша, показав хитроумный французский план, сказал:

– Войско и флот готовы показать москвитам, как сражаются любимцы Аллаха! Пора объявить белой царице, что ее место в гареме султана, а не на троне!

Абдул-Гамид полистал французский план. Ничего из него толком не понял, но важно покачал головой:

– У Блистательной Порты много друзей и бояться нам москвитов не стоит! Пришла пора вытаскивать ятаганы!

Уже 14 апреля в Черное море вышла передовая эскадра под командованием Челеби-капитана, чтобы доставить войска и припасы в Очаков. Провожал уходящих в море сам султан, взиравший на проплывающие суда с балкона своего дворца. Увы, поход славой не увенчался. Вначале из-за штормовых противных ветров эскадре пришлось встать на якорь в Каварье. Едва корабли бросили якоря, как матросы-галионджи толпой ринулись к шлюпкам. Измотанные качкой, они не желали больше плавать по морям. Челеби-капитан попытался, было, им воспрепятствовать, но едва не лишился головы и спасся только тем, что сбежал на другой корабль.

Тем временем в Очакове тоже готовились. Гарнизону читали фирман султана о скорой войне. По крепости шныряли французские инженеры, укрепляющие крепостные стены и бастионы.

Спустя две недели, следом за незадачливого Челеби, в море вышли и главные силы флота под командованием самого Хассан-бея, получившего титул «поверенного капудан-паши».

Эскадра «крокодила морских сражений» была представительной: восемь линейных кораблей, четыре фрегата, шебеки, бомбардирские суда, галеры, канонерские лодки, киргингичи и купеческие вооруженные суда.

Пока Хассан-бей был в море, в Константинополе решили еще больше усилить флот и ввели новую должность – командующего флотом на Черном море, отдав ее трехбунчужному паше Бекир-бею, отец которого в свое время тоже был капудан-пашою. Новопожалованного Бекир-пашу принял визирь, «который... почтил его обыкновенной лошастью с убором» и повелел немедленно направиться в Черное море.

– Пора вернуть единоверный Крым! Не надо бояться схватки с москвитами, так, как доподлинно известно, что нас поддержит король шведский! Москвитов можно запугать одним приготовлением к войне, тогда они все вернут и без кровопролития! Чернь в нищих кварталах Константинополя также требовала войны и дележа будущего награбленного добра, в противном случае грозя свержением султана.

Более осторожные члены Дивана сетовали:

– Аллах лишил реис-эфенди и его приспешников остатков разума! Казна пуста, а войско вот-вот разбежится!

Что касается султана, то он пребывал в больших сомнениях и ждал знака свыше.

«Тамошнее министерство разделилось на две партии, – писал в те дни один из современников, – одна желает продолжать войну, а другая требует мира. Сказывают, что которые останутся последними, заплатят жизнью».

В июле возобновились переговоры между российским полномочным министром Яковом Ивановичем Булгаковым и реис-эфенди.

– Мы строго соблюдаем все мирные трактаты и не помышляем о войне! – честно заявил Булгаков.

Яков Иванович Булгаков

– Мы тоже молимся за мирные дни под солнцем! – цокал языком Нишаджи Сулейман-эфенди. – Но у нас есть требования!

– Какие же? – удивился Булгаков. – Кажется, мы ничего не нарушаем!

– Вы обязаны выдать союзного вам молдавского господаря Маврокордато и сменить там вице-консула, который нам не нравится. Как посол, вы не имеете права больше давать убежище сбегающим к вам русским невольникам. Отныне запрещается вывозить на судах из Порты масло, пшено и мыло. Кроем этого султан должен иметь своих консулов в Крыму, а кроме всего прочего, вы должны отступить от царя Ираклия, как подданного Порты и нарушающего тишину в Грузии и Азербайджане.

– Не многовато ли! – невольно вырвалось у Булгакова.

На выполнение этих невероятных требований Порты давала какой-то месяц. Столь малый срок был не реален даже для того, чтобы претензии были доставлены в Петербург, там обсуждены и отписанный ответ достиг берегов Босфора.

Выслушав реис-эфенди, Булгаков, как гласят исторические хроники «отвечать отказался, вызвав неприкрытую ярость».

Нишаджи Сулейман-эфенди обиделся и побежал жаловаться султану, требуя немедленно заточить дерзкого москвитя в замок Едикуль, а заодно вместе с ним всех русских купцов Абдул-Гамид министру отказал, но велел продолжать военные приготовления.

26 июля при Порте был созван большой совет в присутствии министров, высшего духовенства и военных чинов.

– Я желаю, чтобы каждый высказал свое мнение, надо ли нам воевать с Московией? – заявил Абдул-Хамид.

Еще вчера визирь, заняв у местного банкира-еврея мешок золота, щедро отсыпал его членам совета, объяснив, за что им надлежит голосовать. А потому, потупив глаза, собравшиеся единодушно высказались за войну.

Еще день ушел у Юсуфа-паши на то, чтобы склонить на свою сторону самого султана. Наконец сдался и тот. Итак, все было решено.

Утром 5 августа Яков Булгаков был снова вызван к великому визирю. Со своей свитой он дошел до Топханской пристани пешком. На берегу Яков Иванович, к своему удивлению, заметил, что вместо обычного богатого катера, его на этот раз ожидала простая 14-весельная шлюпка. Это было оскорблением, но делать нечего на шлюпке посол переехал на константинопольский берег.

Затем, сев на коней, посол и его свита продолжили путь к дворцу султана. Там члены российской делегации были приглашены в Диван для угощения. Но как только кофе был выпит, всех присутствующих, за исключением Булгакова и переводчика, вывели. Беседа с визирем продолжалась четверть часа. Визирь потребовал уже немедленного возвращения Крыма.

– Но ведь наша опека над Крымом определена Кучук-Кайнаджирским мирным трактатом? – вежливо напомнил посол.

– Мы разрываем старый мирный трактат и требуем подписания нового! – заявил он. – Иначе мы все от семилетних детей до седых стариков пойдем воевать с вами!

– Кто же останется стеречь Константинополь и султана? – с горькой иронией отвечал посол. – Что же до пересмотра трактата, то я не уполномочен решать такие вопросы!

После этого Булгаков вышел в приемную и молча сел на софу, обхватив голову руками. Следом вышел драгоман Порты. Опустившись перед Булгаковым, он принялся уговаривать его согласиться с требованиями Порты.

– На это Булгаков твердо отвечал:

– Нет! Этому быть не можно!

Через час посол был закован в железо, и отправлен в самую страшную турецкую тюрьму – Семибашенный замок Едикуль.

При этом великий визирь был столь самонадеян, что не посчитал нужным сделать хотя бы ничего не значивший реверанс в сторону Австрии. Это могло бы удержать Вену от военного союза с Петербургом, но турки были сейчас слишком самонадеянны.

Спустя несколько дней был опубликован хати-хуман с воззванием ко всем правоверным о начале войны с Россией. На военных чиновников по этому поводу были одеты дорогие кафтаны, а верховному визирю вручена сабля, усыпанная алмазами. Его же назначили и главным сераскиром. После этого Юсуф-паша поспешил в Гаджибей, чтобы оттуда командовать походом на Русь. Так началась война, которая завершится совсем не так, как мечталось в Константинополе.

* * *

Если взглянуть на карту Северного Причерноморья 1788 года, то даже самый непосвященный схватится за голову. Владения России и Турции были тогда столь перемешаны, что карта напоминала слоеный пирог. Херсон – в руках русских. Очаков – в турецких. Над Кинбурнской крепостью, что стояла на песчаной косе, прикрывающей вход в Очаковский лиман, развевался флаг русский. Сам же вход в лиман и главная Очаковская цитадель, опять же, были турецкими. Там у Очакова с середины лета стоял линейный турецкий флот под началом вице-адмирала Хассан-бея.

На границах с турецкими владениями в то время располагалась немногочисленная Екатеринославская армия под командованием самого генерал-фельдмаршала Потемкина-Таври-

ческого, а у нее в тылу еще более малочисленная резервная Украинская армия генерал-фельд-маршала Румянцева-Задунайского.

Что касается Черноморского флота, то он летом 1781 года занимался своим обычным делом – находился в плавании. Основная корабельная эскадра курсировала у Евпатории, а два фрегата под началом бригадира Федора Ушакова были отряжены встречать караван из Таган-рога. По всему морю шныряли турецкие шебеки, собирая сведения о нашем флоте. Турок, разумеется, примечали, но что ты им сделаешь, когда мы с ними в мире! Чтобы не дай Бог, не спровоцировать драчливых соседей, князь Потемкин велел Мордвинову:

– Турок не то что не задирать, а, наоборот, во всех случаях оказывать дружбу и благо-приятство!

Увы, как оказалось, предложение «дружбы и благоприятствия» были уже напрасными.

Нападение турок произошло утром 21 августа у занятой нашими войсками Кинбурнской косы, которая особенно раздражала турок. Еще с вечера к косе подошла турецкая флотилия в 11 канонерских лодок и бомбард, которые затем неожиданно попытались захватить наш фрегат «Скорый» и 12-пушечный бот «Битюг».

Оба наших судна в это время они стояли на якоре у Кинбурна в ожидании только что спущенных на воду в Херсоне линейного корабля «Святой Александр» и фрегата «Святой Владимир».

Несмотря на неожиданное нападение, командир «Скорого» капитан-лейтенант Оболянинов не растерялся и принял бой.

Анисофор Артамонович Оболянинов был моряком опытным и дельным, да и команда у него состояла сплошь из старых матросов. «Битюгом» командовал лейтенант Иван Кузнецов по кличке «Кузнечик». При нем штурман подпоруческого ранга Никита Гурьев. Оба тоже ребята лихие, палец в рот не клади!

Едва над головой засвистали первые ядра, «кузнечик» обрадовано закричал своему штурману:

– Вот и нам свезло, Никита, наконец-то, в настоящую передрыгу попали! Турки хотели нас спужать, а мы и сами всему рады! Эх, понеслась душа в рай! Пали веселей, ребята!

Яростная перестрелка длилась больше двух часов, после чего «Скорый», несмотря на повреждения в рангоуте, поднял паруса и устремился в атаку. Следом за ним кинулся на врага и маленький бот. Со стороны это казалось совершенным безумием, и турки поначалу обрадовались, что русские спешат к ним сдаваться. С турецких судов ободрительно кричали и махали руками:

– Рус, москов, карашо!

Однако сблизившись на pistolетный выстрел, Оболянинов, развернул фрегат бортом.

– Выхватив шпагу, указал ей на турецкие канонерские лодки:

– Ребята, лупи их в бога душу мать!

Ребята и дали жару. После первого залпа, в сторону отвернули первые пять канонерских лодок, после второго – остальные. На турецких судах вопили и кричали. Там рушились мачты и занимались пожары.

Издали на поддержку канлодкам уже спешили более крупные турецкие суда, но Оболянинов ждать их вовсе не собирался.

– Руль влево! Уходим в Херсон!

Оторвавшись от турок, фрегат и бот тут же вступили в новый бой, на этот раз уже с очаковскими батареями. С честью выдержали и его, после чего оба судна укрылись в лимане, куда турки сунуться уже побоялись.

Из донесения контр-адмирала Мордвинова Потемкину: «21 числа в три часа пополудни, как скоро лежащий в линии неприятель из пушек и мортир учинил пальбу по нашим судам, то с оных на сие ответствовано было ядрами и брандскугелями. Началось сражение, в котором

с обеих сторон производился непрерывный огонь до шести часов, тогда фрегат „Скорый“, по наступающему ночному времени, имея расстрелянную фор-стенгу и некоторые повреждения в такелаже, отрубил якоря и лег под паруса, чтобы выйти из узкого прохода в Лиман; ему последовал и бот „Битюг“; когда суда наши приблизились к Очакову, то крепостные батареи начали по ним действовать, а между тем суда неприятельские, снявшись с якоря, учинили погоню; фрегат и бот, допуская оные на ружейный выстрел, Дали залп из ружей и пушек, чем, повредив многие суда, принудили их отступить. При сем сражении на фрегате убито три человека матрос и один ранен; выстрелов против неприятеля сделано 587. Ядра, вынутые из фрегата, весом 26- и 30-фунтовые».

* * *

Война между двумя государствами только разгоралась, и еще было не ясно, чья возьмет. Турки тешили себя надеждой захватить Кинбурнскую косу, запереть и сжечь Лиманскую эскадру, после чего уничтожить Херсон со всеми верфями. Затем они намеревались заняться Крымом, высадить туда большой десант и вместе с местными татарами выбить наших в северные степи.

Первая проба сил турок озадачила. Очаковский сераскир срочно послал депешу в Константинополь с настойчивой просьбой об отправке к крепости эскадры Бекир-паши, не считывая на свои уже стаявшую подле крепости эскадру в три линейных корабля и четыре фрегата.

Затем двое прибывших в Гаджибей чиновников-чаушей сообщили, что русские фрегаты, подойдя к Очакову, начали обстрел кораблей. Разъяренный визирь прервал их и велел повесить.

Через несколько дней там же в Гаджибее были повешены три янычарских офицера, заявившие, что янычары не желают воевать. После этого великий визирь велел:

– Всем янычарам от 14 до 60 лет идти в поход, кто ослушается вешать на первом суку!

В России манифест о начале войны с Турцией был подписан императрицей 9 сентября 1787 года, после чего обнародован во всех церквях. Екатерина писала: «Мы полагаем НАШУ твердую надежду на правосудие и помощь Господню, – с глубоким чувством оглашали его священники, – и на мужество полководцев и войск НАШИХ, что пойдут следами своих недавних побед, коих свет хранит память, а неприятель носит свежие раны».

Что ж, Россия приняла брошенный ей вызов...

Глава вторая

Первый блин комом

Пока армия подтягивалась к границам и к Очакову (с осады которого Потемкин решил начать войну), пока к самой армии подтягивались обозы, светлейший решил не терять времени даром.

– Пусть начинают флотские, им обозы ждать не надо, у них все всегда под рукой! – велел он передать в Севастополь Войновичу. План Потемкина по использованию Севастопольской эскадры был дерзок и оригинален. Зная, что линейный флот султана во главе с капудан-пашой уже появился у Днепровского лимана, прикрывая со стороны моря Очаков и готовясь нанести удар по Кинбурну, князь повелел нанести севастопольцам удар по главной тыловой базе турок – Варне. Там, по сведениям лазутчиков, еще не ставили даже береговых батарей, а в гавани грузились припасами многочисленные транспорты для турецкого флота и Очаковской крепости. По замыслу Потемкина успешный рейд корабельного флота к Варне неминуемо заставил бы Эски-Хассана увести свои корабли из-под очаковских стен, что позволило бы, в свою очередь, Екатеринославской армии спокойно начать осаду крепости.

– Напасть на турецкий флот и истребить! – велел светлейший.

Но командующей Севастопольской эскадрой граф Войнович в поход особо не торопился. Потемкин нервничал, слал из Кременчуга, где в то время находился, послания раздраженные: «Чем скорее сделан удар, тем оный надежнее, подтвердите графу Войновичу поспешать выступлением в море, и себя прославить».

Только после этого граф начал неспешно готовиться к Варненской диверсии. Как всегда, в самый последний момент, обнаружилась нехватка матросов. Пришлось наскоро пополнять команды солдатами местных полков.

За плечами главноначальствующего корабельной эскадрой контр-адмирала Марко Войновича была Архипелагская кампания, где он отличился, командуя фрегатом, а затем и отрядом легких судов. Поступив на русскую службу волонтером, этот не глупый венецианец сумел отличиться при блокаде Дарданелл и штурме Бейрута, а затем, оставшись служить в российском флоте, быстро сделал блестящую карьеру. Понравился Войнович и императрице Екатерине, при посещении ею перед войной Севастополя. Тогда-то за устройство города и флота и пожаловала она ему графский титул. Злые языки, правда, говорили, что ахтиарский флагман просто-напросто выклянчил свое графство, подсунув императрице подложные бумажки об утерянном якобы предками фамильном титуле. Как бы то ни было, а репутацию к началу войны граф Войнович имел самую боевую, и Потемкин был вправе ожидать от него новых подвигов и побед. Увы, скоро светлейшего постигнет глубокое разочарование, ведь далеко не всякий толковый капитан становится настоящим флотоводцем...

Младшими флагманами Севастопольской эскадры являлись в ту пору капитаны бригадирского ранга Паоло Алексиано и Федор Ушаков. При этом первый одновременно командовал фрегатом «Святой Андрей», а второй – 66-пушечным «Святым Павлом». Алексиано был родом из греков. На русскую службу поступил из корсаров в самом начале Архипелагской экспедиции, вместе со своими пятью братьями. Отличился при Чесме, затем захватывал турецкие транспорты, прославив одним из самых удачливых приватиров. По заключении мира, Алексиано перебрался с всею родней в Россию, которая стала отныне ему вторым отечеством. В жизни капитан бригадирского ранга был скромен, а в деле морском знающ и многоопытен.

Заслуги второго из младших флагманов Севастопольской эскадры Федора Ушакова к тому времени были значительно скромнее. Первую турецкую войну в лейтенантских чинах он провел на Азовской флотилии, где трудился похвально, но в сражениях так и не участвовал. В мирные годы водил успешно фрегат в Средиземноморские пределы. Внимание же на себя

Ушаков обратил во время строительства корабля «Святой Павел» в Херсоне, когда весьма деятельно боролся с чумой. Потемкину нравились не только морские познания капитана, но и его трудолюбие.

24 августа 1787 года светлейший отписал графу Войновичу ордер о немедленном выступлении. Приказ был строг и категоричен: «Подтверждаю Вам, собрать все корабли и фрегаты и стараться произвести дело, ожидаемое от храбрости и мужества вашего и подчиненных ваших. Хотя бы всем погибнуть, но должно показать всю неустрашимость к нападению и истребление неприятеля. Сие объявите всем офицерам вашим. Где завидите флот турецкий, атакуйте его, во что бы то ни стало, хотя бы всем пропасть».

Прочитавши столь строгое предписание, Войнович не на шутку разволновался:

– Как это всем погибнуть? Как это всем пасть? Неужто князь нас, что агнцев безвинных на закланье шлет? Что делается! Что делается!

Как гласят исторические источники, потемкинский приказ Войнович получил к полудню субботнего дня. В своем домике неподалеку от пристани, которая и поныне носит в его честь название «Графской», он собрал эскадренных капитанов, объявил им начальственную бумагу. Капитаны к услышанному отнеслись спокойно, что ж поделать война есть война! Отпуская их, Войнович произнес со слезою в голосе:

– К завтрашнему вечеру быть всем готовыми вступить под паруса, а к полуденной пушке прошу всех ко мне на прощальный обед! Капитаны расхотелись несколько удрученные подавленным состоянием командующего.

– И чего это он нас всех заранее хоронит? А бумажку читал, руки тряслись!

Однако выйти в море не удалось, Войнович снова перенес дату отплытия на неделю. Позднее участники похода признают, что если бы не этот досадный перенос сроков выхода в плавание, то все могло бы сложиться совершенно иначе.

Утром 31 августа Севастопольская эскадра с распущенными флагами наконец-то покинула Ахтиарскую бухту. Береговые батареи прощально салютовали. В ответ с кораблей и фрегатов тоже палили. Войнович избрал флагманом линкор «Слава Екатерины». Передовым же вел эскадру бригадир Федор Ушаков на своем «Святом Павле».

Первые дни плавания погода благоприятствовала. На переходе было пленено торговое турецкое судно, экипаж которого сняли, а само судно с товарами потопили. Однако едва эскадра спустилась до траверза мыса Калиакрия, погода начала быстро свежеть, а барометр падать. Готовясь к ненастью, на судах зарифили паруса, закрепили по-штормовому. Чтобы не сорвало на качке пушки, закрепили и их, орудийные порты задраили наглухо. И вот обрушился шторм, который вскоре достиг силы настоящего урагана.

В самое короткое время корабли и фрегаты были разбросаны волнами и ветром столь далеко друг от друга, что каждый из них мог рассчитывать только на себя. Непрерывные удары волн быстро расшатали корабельные корпуса, ветер ломал мачты, рвал такелаж. Вот когда сказалась спешность постройки и нехватка в Херсоне опытных корабельных мастеров. Увы, исправить что-либо было поздно!

Дмитрий Николаевич Сенявин

Из воспоминаний адмирала Дмитрия Сенявина: «Князь Григорий Александрович не замедлил уведомить графа Войновича о войне с турками и о назначении турецкой эскадры, предложив графу со всем нашим флотом пуститься на турок к Варне. Повеление это получено, как теперь помню, 30-го августа в субботу около обеда. Граф собрал всех капитанов, объявил им предписание и приказал быть готовым непременно завтра к вечеру. На другой день в воскресенье все капитаны обедали у графа и за столом упросили его, чтобы завтрашний день, т. е. в понедельник не выходить в море, ибо понедельник у всех русских считался днем несчастным на всякое начинаемое дело. Вот совершенное невежество и глупость русского предрассудка, что и увидеть можно из последствия. Если бы мы вышли в море в понедельник, то непременно были бы в Варне и сделали бы сражение, а как целые сутки промедлили напрасно в угоду глупого суеверия, то не дошли мы до Варны только 40 миль итальянских, потерпели ужасное бедствие.

Проплыв половину расстояния, 4-го числа случились нам ветры тихие и переменные. 8-го числа в полдень мы были от Варны в 40 милях итальянских, ветер дул от W, ввечеру ветер стал крепчать и отходить к NO, а с полуночи сделался ужасный шторм от NNW. ... В 9-м часу у нас на корабле все три мачты сломались разом. ...»

При этом «Слава Екатерины» так сильно накренилась, что едва не опрокинулась. Положение спас флаг-капитан Дмитрий Сенявин, который, не растерявшись, с топором в руках бросился перерубать многочисленные ванты, не дававшие мачтам упасть за борт. За Сенявиным

поспешили матросы, и спустя несколько минут корабль, наконец, смог выйти из губительного крена.

Один из офицеров «Екатерины» впоследствии вспоминал: «Мы положили якорь на глубине 55 саженей, выдали полтора каната, якорь задержал, корабль пришел к ветру, и течь несколько уменьшилась. В полдень 9-го никого от нас не было видно. 10-го течь прибавилась, а 11-го числа с вечера до полночи так увеличилась, что во все помпы, котлами и ведрами изо всех люков едва могли удержать воду и мы за то время были точно на краю гибели».

Вдалеке среди пенных водяных валов палил пушками, прося о помощи, фрегат «Крым», но помочь ему не мог никто. Прошел час, другой и выстрелы внезапно стихли.

Потёмкин незадолго до смерти, апрель 1791 года

– Никак конец «Крым» пришел! – крестились на стонущих под напором ветра кораблях. – Отмучились сердешные!

Из донесения капитана бригадирского ранга Паоло Алексиано: «Ветер усиливаясь, сделался крепкий и напоследок чрезвычайный шторм с дождем и превеликой мрачностью... На порученном мне фрегате „Святой Андрей“ изорвало паруса, и от множества вливаемой в него воды он едва не затонул. В оное время оказались видимы со сломанными от шторма мачтами от нас между N и Ost два корабля, один из них без всех мачт, другой с одной фок-мачтой... и 2 фрегата. 10-го числа в 3 часу пополудни превеликой качкой сломило грот и бизань-мачты,

осталась одна фок... При оном величайшем несчастьи, претерпя чрезвычайные беспокойства и опасности при употреблении всевозможном старании... прибыл на севастопольский рейд...»

Наконец суда стали по одному возвращаться в Севастополь. Вид их был ужасен! Избитые корпуса с выбитыми обшивными досками, обрубки мачт и обрывки парусов. Первой мыслью встречавших их на берегу было то, что эскадра наголову разгромлена турками, столь трагично было зрелище полузатонувших кораблей и фрегатов, не говоря уже об измученных и едва державшихся на ногах офицерах, и матросах.

Собиралась эскадра крайне медленно. Бывало, что приходило в день по одному судну, а бывало, что по несколько дней и вообще никого не было. В Севастополе воцарилась печаль. Беспомощность ожидания была столь невыносима, что семьи не вернувшихся моряков сутками простаивали на берегу, вглядываясь вдаль, не мелькнет ли вдали парус?

Ураган раскидал эскадру по всему Черному морю. «Святой Павел» отнесло аж к абхазским берегам. Лишь благодаря искусству своего командира Федора Ушакова, «Павел» смог вернуться в родную гавань, но без мачт, бушприта, парусов и руля. В критические минуту, обращаясь к команде, Ушаков кричал:

– Дети мои! Лучше будем в море погибать, нежели у варвара быть в руках!

В Севастополь приползли, как говорится, на честном слове.

Совершенно отчаялись ждать с моря и флагманскую «Славу Екатерины». Когда ж она показалась, то ее поначалу не узнали, столь разительно отличалась эта развалина от еще недавно грозного и гордого линкора. На «Екатерине» мачт не было вовсе. Вместо них торчали кое-как наспех сооруженные стены, нижний дек полностью ушел в воду, а сам корабль, прямо на глазах собравшихся на берегу, повалился на правый борт. Пушечными выстрелами с него просили о помощи. Насилу спасли... Сойдя на берег, контр-адмирал Войнович немедленно отправил Потемкину письмо: «Нахожу себя несчастливейшим человеком и принужденным доносить о крушении наших сил, под моею командою состоящих. Слишком 20 лет как хожу в море, и по всем морям был, но такого несчастья предвидеть не мог, и как спаслись, одному Богу известно».

Контр-адмиралу Мордвинову Войнович писал совсем уж откровенно: «Это чудо, Николай Семенович, как мы спаслись. Поверить не можете нашему несчастью, и как все манкировало в один час: корабли и фрегаты сделались как решето, течь преужасная и чуть мой корабль не потонул. Этакого страха и опасности никогда не предвидел».

В то же время контр-адмирал более иного сокрушался, что волнами разбит был его кормовой салон, а в штормовое море унесло все: личные вещи, деньги и золотую с бриллиантами жалованную императрицей табакерку. При расспросах о пережитом Войнович лишь вздыхал, да истово крестился:

– Качки таковой я никогда и вообразить не мог! Страх! Суший страх! Когда, наконец, подсчитали все вернувшиеся с моря суда, то оказалось, что не хватает двух – фрегата «Крым» и 66-пушечного линейного корабля «Мария Магдалина». О «Крыме» никто никогда больше ничего не слышал. Фрегат навсегда сгинул в штормовом море вместе со всей командой. Гибель его так и осталось одной из вечных тайн моря, которые вряд ли когда-либо будут раскрыты.

О «Марии Магдалине» не скоро, но вести все же пришли. Были они, однако, безрадостны. Во время шторма линейный корабль, как и большинство других судов севастопольской эскадры, потерял все мачты, командир «Марии» англичанин Бенжамен Тиздель, хотел было стать на якорь у Варны, но не смог. На корабле были сломаны все мачты, бушприт, поврежден руль, а в трюме на несколько футов налилась вода. Ветром корабль понесло прямо в Босфор. Когда же ветер немного стих, турки окружили дрейфовавшее у самого берега судно. Тиздель, понимая, что победой неизбежная схватка для него кончиться не может, драться был ненамерен.

– Как потерпевший жесточайшее кораблекрушение, я имею теперь полное право более не сопротивляться! Крушение оправдывает спуск флага всегда!

Желая сдаться, он собрал офицерский совет. И хотя офицеры, как один, высказались за бой, Тиздель самолично спустил Андреевский флаг под радостные улюлюканья турок. Жизнь свою Тиздель спас. А чести у него никогда и не было. Нам, читатель, еще предстоит встреча с изменником-англичанином, встреча эта будет не из приятных!

Позднее Тиздель будет оправдаться тем, что, якобы, решил выбросить корабль на берег, однако пленный турецкий матрос убедил его, что берег весьма крут и каменист и спасения никому не будет. После этого Тиздель решил удалиться от этого места и войти в Босфор. Когда же на рассвете все увидели маяк, то он с гневом набросился на турка с вопросом: «Куда ты нас привел?» Но было поздно. Российский корабль окружили турецкие военные суда. Тогда Тиздель, якобы, решил было взорвать свой корабль, но команда тому воспротивилась, и он стал добычей оттоманов.

Турки немедленно сняли с «Марии Магдалине» команду, заковав всех в кандалы. Пленных матросов турки тут же раздели догола, на шею каждому повесили веревку – знак раба.

Сам же корабль под радостные крики многотысячных толп зевак втащили в Босфор и поставили напротив султанского дворца, как первый боевой трофей. Султан Селим, таким подарком был доволен чрезвычайно.

Селим III

– Вот, – говорил он своим приближенным. – Я еще и не начинал по-настоящему воевать, а гяуры уже сами плывут к нам, чтобы сдаться. Само море помогает нам, что же станет с неверными, когда они услышат гром моих пушек?

– О, великий из великих! – падали перед ним на колени вельможи. – Только ты способен потрясти основы вселенной и донести священное знамя пророка до крайних ее пределов! Над-

менная гордость москвитов рассыплется в прах перед твоей поступью! Шторм, разметавший и побивший флот москвитов – есть великое предзнаменование твоей победы!

Турецкого матроса (это был горец лаз), стараниями которого был пленен российский корабль, по приказу султана одели с ног до головы и назначили вечную пенсию.

В тот день в Константинополе палили пушки, а нищим на Галате разбрасывали медные монеты и куски жареной баранины.

На следующий день «Марию» оттащили в Топханы, где стали разгружать и готовить к ремонту. Корабельному мастеру Лероа приказано было в течение месяца линейный корабль восстановить и вывести в море.

Среди выгруженной амуниции на «Марии Магдалине» было найдено несколько брендсугелей – «ядер, наполненных горючими материями», которые нельзя было погасить даже водой. Обрадованный такой находкой визирь, приказал изготовить 12 тысяч подобных ядер.

Саму же «Марию Магдалину» переименовали в «Худа Верды», что означает «Данный Богом».

Несмотря на явный (хотя и неожиданный) успех с бедствием русского флота, турецкие адмиралы, как могли, противились выходу в море, ссылаясь на осенние бури.

– Москвиты не слушались своего Бога и выбрались в штормовое море, за что Бог их и покарал. Мы же чтим Аллаха, а потому плыть в бурю, и тонуть нежелаем!

Для того чтобы выслать в море хотя бы пять линейных кораблей понадобился личный приезд в Константинополь великого визиря, пригрозившего в случае отказа перевешать капитанов на реях.

Селим III принимает сановников во дворе Дворца Топкапы.

Чтобы хоть немного приободрить турок, в сераль прибыл посланец французского посла с выдуманной картой, в которой изображалось, как находившийся в Очакове шевалье Лафит с 10 канонерскими лодками, якобы, атаковал построенные в Херсоне три российских корабля,

потопив линейный корабль и разбив вдрызг остальные два фрегата. Турецкие капитаны, карту разглядывая, радовались, но в море идти все равно не торопились.

* * *

Когда известие о печальном исходе плавания эскадры Войновича доставили Потемкину, тот впал в крайнее отчаяние. Один единственный шторм надолго вывел из строя весь корабельный флот России на Черном море, в один миг перечеркнув все планы князя.

– Было у меня две руки, на море Черное положенных: эскадры Севастопольская да Лиманская! – изливал он душу своему другу и помощнику поэту Петрову. – Одну теперь море побило, и остался я нынче однорук! Не турки ударили, но Господь!

Недоброжелатели сразу стали распускать слухи, что светлейший просил у Екатерины разрешения передать командование фельдмаршалу Румянцеву, сложить с себя все свои звания, приехать в Петербург и постричься в монахи. Все это было, разумеется, враньем. Но настроение у светлейшего было не из лучших. Он даже не исключал варианта оставления Крыма.

Екатерина успокаивала фаворита с большим терпением. «Не унывай и береги свои силы, Бог тебе поможет, а Царь тебе друг и подкрепитель; и ведомо, как ты пишешь и, по твоим словам, проклятое оборонительное состояние; и я его не люблю; старайся его скорее оборотить в наступательное, тогда тебе, да и всем легче будет... Оставь унылую мысль, ободри свой дух, подкрепи ум и душу... это настоящая слабость, чтобы, как пишешь ко мне, снисложить свои достоинства и скрыться... Не запрещаю тебе приехать, если видишь, что приезд твой не расстроит тобою начатое... Приказание Румянцеву для принятия команды, когда ты ему сдашь, посылаю к тебе; вручишь ему оное как возможно позже... Ничто не пропало; сколько буря была вредна нам, авось либо столько же была вредна и неприятелю; неужели ветер дул лишь на нас?»

При этом императрица не считала возможным выводить войска из Крыма: «Что же будет и куда девать флот севастопольский? Я надеюсь, что сие от тебя писано было в первом движении».

– Ничего, Григорий Александрович! – утешал светлейшего его секретарь Василий Петров. – Кто управляется при одном глазе, тому и с одною рукою совладать можно, была бы голова на плечах! К тому же, как говорить первый блин комом! Так что надобно печь новые блины!

Посмеявшись шутке, Потемкина несколько успокоился, а успокоившись, грохнул кулаком по столу:

– Я еще так султана за шальвары потрясу, что враз всех своих мамок забудет!

Но угнетенное состояние его так и не покинуло.

* * *

Досадная неудача Черноморского флота подвигла императрицу Екатерину к новой мысли. Как и в прошлую турецкую войну, было решено подпалить Порту с другого конца – направить в Средиземное море часть Балтийского флота, заблокировать Дарданеллы, лишить Константинополь подвоза египетской пшеницы и тем самым оголодать, ну, а если турецкий флот дерзнет помериться силой, то устроить ему вторую Чесму. Предприятие обещало успех, ведь почти все адмиралы и командиры кораблей уже побывали там, в прошлую войну. Греки тоже обещали всемерную поддержку.

– Чесменская кампания показала нам все выгоды флотского присутствия в Мидетеранском море! – говорила императрица своему окружению. – Так почему бы нам и на сей раз не преумножить былые успехи! И ежели флот Черноморский действительно столь сырой и ненадежный, то мы вполне заменим его Балтийским!

Как и в прошлый раз Екатерина Вторая хотела видеть во главе наших диверсионных сил Алексея Орлова, но брат бывшего фаворита от этой чести отказался, сославшись на нездоровье и усталость. Близкие отношения Екатерины и клана Орловых ушли в небытие, и при новых фаворитах гордый Алехан служить не желал, предпочтя войне драки с мужиками на кулаках.

Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский

На отказ Орлова императрица обиделась:

– Была бы честь предложена!

Затем императрица остановилась на генерале Михельсоне, пугачевском победителе.

Против Михельсона высказался президент военной коллегии граф Чернышев:

– То, что Михельсон боевой и бравый в том сумнений быть не может, но сейчас у него подагра, от которой он жестоко страдает, куда ему нынче воевать, пусть лечится.

Свое слово осторожно вставил и секретарь Храповицкий:

– Михельсон, государыня, лютеранин, а грекам ближе генерал из православных, ему больше от них будет и веры, и помощи.

– Доводы Екатерину убедили.

– Но кого же тогда послан может быть? – спросила она, глядя на Чернышева.

Граф к вопросу был готов:

- Так что матушка лучше генерал-поручика Иван Зборовского у меня на примете и нету!
- Чем же он лучше?
- В прошлую войну из всех наших генералов ближе всех подошел к Константинополю!
- Где же он сейчас?
- Так что прозябает пока в губернаторстве во Владимире и Костроме.
- Пусть едет Заборовский! – согласилась императрица.

Ей уже мечталось об ином:

– Греки могут составить монархию для внука моего Константина. Опасаться его у Европы резону нет, ибо лучше иметь в соседстве христианскую державу, нежели варварскую!

Итак, поднимать греков, албанцев и сербов был оправлен генерал-поручик Зборовский, с несколькими чемоданами золота, а во главе готовящегося к походу флота был поставлен герой Чесмы адмирал Самуил Грейг.

Наши силы на Средиземном море должны были быть впечатляющими: 18 линейных кораблей, в том числе и новейшие 100-пушечные, 6 фрегатов и 2 бомбардирских корабля. Помимо этого, еще десяток транспортов. Еще несколько десятков мелких судов предполагалось купить или захватить на Средиземном море. Ради комплектации эскадры пришлось отменить уже полностью готовую к кругосветному плаванию экспедицию капитана 1 ранга Муловского.

Русско-турецкая война еще только начиналась. Небывалый по силе шторм значительно ослабил Черноморский флот, надолго выведя его из строя в самый ответственный момент, но это вовсе не значило, что флот погиб. Слава черноморцев была еще впереди, и ждать этих дней осталось совсем недолго.

Самуил Карлович Грейг

* * *

Пока в Петербурге планировали посылку эскадры в Средиземное море, на юге тоже имели на сей счет свои мысли. Инициатором выступил контр-адмирал Мордвинов. Потемкину о своих задумках он сказал так:

– Имею мысль послать в мидетеранские воды корсаров греческих, пусть купят несколько шебек и устроят погром у Дарданелл, то-то турки почешутся!

– В наших планах стратегических сия диверсия не числится! – хмуро отвечал светлейший, которому инициатива мордвиновская не пришлась по душе. – К тому же любое корсарство есть вопрос политический и решать оный надобно в Петербурге, а без того можно больше вреда поиметь нежели пользы! Война еще только начинается, расходы грандиозны и у меня нет даже лишней полушки! Проси деньги частным образом.

– Сие предприятие обещает много выгод и прибыльок капитала! – не успокаивался настырный Мордвинов. – А потому даже лучше, чтобы дело было частным, содержать же оно станут господа компаньоны!

– Против частного предпримства не возражаю! – кивнул светлейший, не слишком слишком веря в удачу.

– На этот счет, ваше сиятельство, не беспокойтесь! – улыбнулся довольный Мордвинов. – Кампаньоны у меня имеются в достатке! Пусть Мордвинов был неважным флотоводцем, но предприимчивости ему было не занимать, к тому же экономику знал прекрасно и давно подсчитал свои возможные барыши. По всему выходила, что она не так уж и велика, а потому вполне можно было рискнуть. И контр-адмирал рискнул!

В компаньоны он пригласил своего зятя майора Маркова, директора коммерческой конторы Херсонского порта Потоцкого и австрийского полковника на русской службе Бентона. Торговый дом «Прот Потоцкий и К^о» имел давние и тесные связи с банкиром Кавалларом в Триесте, который и должен был покрывать все начальные расходы. Посредником в финансовых расчетах стал компаньон Мордвинова Скадовский. Контролировать же на месте ход дела и следить за выгодной продажей призов и товаров должен был младший брат адмирала Александр Мордвинов, в то время обитавшийся нашим послом в Вене, сам был в прошлом флотский офицер.

На роль основного исполнителя задуманной операции Мордвинов позвал хорошо ему известного Ламбро Качиони. Уже в первые дни войны храбрый грек заставил себя уважать весь Черноморский флот. Он дважды делал на шлюпке вылазки под стены Очакова для захвата одного из стоящих там судов. Первая вылазка ему не удалась. Турки, увидев приближение русской шлюпки, загнали свое судно на прибрежную отмель, а сами бросились на берег. Не имея возможности снять судно с мели Качиони сжег его со всем грузом. Следующая вылазка была куда более удачной. Подойдя ночью на шлюпках к стоящим на якоре турецким судам, греки захватили одно из них и отбуксировали к русской эскадре. Выслушав предложение Мордвинова, Качиони не раздумывал ни минуты:

– Я и сам уже собирал деньги, чтобы самостоятельно ехать трясти из турок звонкую монету! Когда выезжать?

– Чем раньше, тем лучше! – ответил Мордвинов.

Вернувшись в Балаклаву. Ламбро собрал у старой генуэзской башни старых соратников.

– А не поправить ли нам свои финансовые дела, а заодно еще раз напомнить о себе проклятым османам? – спросил он.

– Что ты предлагаешь Ламбро? – мрачно поинтересовались седоусые ветераны. – Захватить Константинополь?

– Об этом подумаем в другой раз, – заметил предводитель. – Пока же я предлагаю плыть в Архипелаг и снова гонять неверных от Тенедоса до Александрии!

– И как мы туда попадем?

– Переодеемся торговцами и пройдем через проливы!

– Это слишком рискованно. Нас там многие помнят, а тебя и подавно! Стоит ли при таком раскладе добровольно лезть к туркам на кол?

– Ради Греции, России и денег можно и рискнуть!

На качионовскую авантюру решились лишь несколько человек, остальные сославшись на годы и недуги, отказались. Качиони не обиделся. Людей он надеялся набрать себе в Архипелаге, главное, что ему были обещаны деньги на закупку содов и вооружения. К Потемкину Качиони ехать не слишком хотел, боясь, что тот может и передумать. Но как без светлейшего!

Кацонис Ламброс

Вопреки опасениям Потемкин весьма благосклонно отнесся к старому корсару:

– Будешь считаться у меня на время каперства в заграничном отпуске и вот тебе для начала три патента на поднятие русского флага! А для престижа флага произвожу тебя в секунд-майоры!

Утром 3 декабря 1787 года из Херсона выехала карета, из которой выглядывал в окошко господин весьма свирепой наружности. То был майор Ламбро Качиони – россиянин по подданству, грек по национальности и пират по профессии. Еще в прошлую войну с турками корсары Качиони наводили ужас на турок по всему Средиземноморью, а за его голову был обещан мешок золота. После войны Качиони с соратниками перебрался в Крым и осел в Балаклаве – небольшом городке под Севастополем, где занимался торговыми делами.

Сейчас в кожаной дорожной сумке Качиони вез заграничный паспорт, кредитные аккредитивы к венским и триестским банкирам, письмо к полномочному посланнику в Венеции Александру Мордвинову и, самое главное патенты, дававший Качиони право на вооружение купленных судов.

На следующий день после отъезда Ламбро Качиони, компаньон Скадовский отправил банкиру Каваллару письмо и просьбой выплатить Качиони 7142 венских флорина в обмен на «генеральную квитанцию».

Банкир Каваллар встретил Качиони с распростертыми объятьями.

– Ваше благородство объединяет в себе смелость духа с частностью! – заискивал перед корсаром банкир, надеясь в будущем поиметь с него неплохой процент!

– Да, я умею делать деньги! – согласился Качиони. – В этом мне помогает моя острая сабля и острый ум!

Через два дня Качиони уже присмотрел подходящее ему судно – 18-пушечный фрегат английской постройки. Его широкая и просторная палуба позволяла разместить при необходимости гораздо больше орудий, что и намеревался сделать Качиони.

Нуждавшийся в деньгах хозяин судна, продавал его всего за 17000 флоринов, что составляло не более половины настоящей стоимости.

– Вот вам и первая выгода! – сказал банкиру Качиони.

Тот не противился и все документы на покупку были сразу оформлены.

– Я нарекаю сей фрегат «Минерва Севера» в честь великой русской императрицы! – заявил Качионе, взойдя на палубу своего судна. – Теперь мне нужны еще две тысячи на починку!

Банкир молча отсчитал и эту сумму.

После этого Ламбро поспешил в Венецию, где в ту пору можно было весьма недорого приобрести пушки, ядра и порох. Венеция ни с кем воевать не собиралась и сбывала вооружение по бросовым ценам. В Венеции Качиони встретился и с послом Мордвиновым, который обещал помочь в закупках.

Вернувшись в конце января в Триест, не дожидаясь прибытия купленных пушек, Ламбро взялся набирать команду. В этом трудностей не было. Слух о появлении известного корсара и покупке им судна для нападений на турок мгновенно разошелся по городам и весям. От желающих не было отбоя, но Ламбро отбирал самых опытных, отдавая предпочтение своим бывшим соратникам. Наконец команда была набрана. Собрав всех вместе, Качиони заявил:

– Я обещаю все веселую жизнь, а возможно и веселую смерть! Мы станем кусать султана за его голые пятки, так что ему придется не сладко! Каждому обещаю стол за мой счет, жалование и свою долю от дабычи! Пойдете ли вы за мной!

– Пойдем Ламбро, веди нас скорее в бой! – кричали в ответ отчаянные сорвиголовы.

Глава третья

Кинбургская коса сотворила чудеса

На юге России в это время спешно доукомплектовывались сразу две армии – Украинская и Екатеринославская. Первой назначалась второстепенная, наблюдательная роль: охранять безопасность наших границ и покой в Польше, а также служить связью между назначенными к наступательным действиям войсками.

Екатеринославская армия же должна была овладеть Очаковым, перейти Днестр, очистить весь район до Прута и, в соединении с австрийцами, подойти к Дунаю. Отдельный корпус генерал-аншефа Текелли стоял в готовности на Кавказе.

В преддверии будущих боев Потемкин вспомнил и о запорожских казаках. Дело в том, что некогда единая Сечь раскололась. Часть казаков остались в России и готовы были верой и правдой служить отечеству. Другая часть, переметнулась к туркам, за что султаном им была обещана новая Сечь на Дунае.

Потемкин писал 25 декабря 1787 года Екатерине: «...Я стараюсь переманить от них (турок – В.Ш.) запорожцев, которые им служат проводниками и без которых бы они не смели соваться. Я собрал до 500 казаков пеших, которые прежде у меня были на Дунае. Они так полезны в устье Днепра, что турецкие разъезды не будут сметь показываться малыми лодками. Сидор Белой у них атаман. Названы они – верное казацкое войско, в оппозицию тем, кои у турков. Просят они меня, чтобы исходатайствовать им землю, а именно в Керченском куту или на Тамани. Сие будет весьма полезно. Они будут префодою от черкес, и мы через сие избавимся от худых хлебопашцев. Из них уже большая часть женаты, то заведут тамо порядочные селения, много и из Польши к ним пристанет».

Не дожидаясь ответа из Петербурга, светлейший своею властью утвердил Белого кошевым атаманом войска верных казаков. В войске налицо было семь тысяч бывших запорожцев. Половина из них были конными и имели атаманом Захария Чепигу, над остальными морскими казаками атаманствовал генеральный судья Антон Головатый. Казацкий флот в пять десятков чаек и «дубков» получил гордое наименование Черноморской казацкой флотилии.

* * *

Важнейшим районом обороны считался херсонско-кинбурнский, как прикрывавший Крым. Этот участок обороны был поручен генерал-аншефу Суворову с двадцатью пехотными батальонами и четырьмя десятками эскадронов.

Современник так вспоминает о внешнем виде Суворова: «Он был невысок ростом; имел большой рот; лицо не совсем приятное – но взор огненный, быстрый и чрезвычайно пронзительный; весь лоб его покрыт был морщинами, – и никакие морщины не могли быть столь выразительны; на голове его, поседевшей от старости и трудов военных, осталось весьма немного волос... Сапоги с раструбами, худо лакированные, худо сшитые, широкие раструбы выше колен, исподница из белого канифаса; камзол из такой же материи, с зелеными китайчатыми или полотняными обшлагами, лацканами и воротником; белый жилет, маленькая каска с зеленою бахромою – таков был наряд героя... во всякое время года...»

Суворов был уже хорошо известен к тому времени как строгий, но заботливый начальник, отлично знающий военное дело. Его предельная простота в обращении, не показная близость к солдату и глубокое понимание солдатской души делали никогда не побежденного генерала идиолом войска.

Историк А. Петрушевский о стратегическом значении Кинбурна писал так: «На длинной песчаной косе, вдающейся насупротив Очакова в море, верстах в восьми от её оконечности, лежала крепость Кинбурн, занимавшая всю ширину косы от севера к югу, так что высадка возможна была только с востока и запада. Крепость была незначительная, представляла очень мало условий к упорной обороне и только с восточной стороны верки её заслуживали некоторого внимания. Валы и рвы Кинбурна имели слабый профиль; перед рвом тянулся гласис, который с северной стороны почти доходил до Очаковского лимана, а с южной до Черного моря. Между тем положение Кинбурна было важно; эта незначительная крепостца очень затрудняла вход в Днепр и не допускала прямого сообщения Очакова с Крымом. Такое значение Кинбурна не могло ускользнуть от внимания образованных французских офицеров, руководивших действиями турок, и потому надо было ожидать с их стороны серьезного предприятия против этого пункта, Понимал это, конечно, и Суворов, сосредоточивший на косе довольно значительные силы, да и Государыня не хуже кого-либо разумела важность удержания Кинбурна в наших руках, и очень озабочивалась его участью. Сентября 23 она пишет Потемкину: „Молю Бога, чтобы вам удалось спасти Кинбурн“; 24 сентября; „хорошо бы для Крыма и Херсона, если бы можно было спасти Кинбурн“; 9 октября, до получения известия о кинбурнской победе: „пиши, что с Кинбурном происходит; в двух письмах о нем ни слова; дай Боже, чтобы вы предупели в защищении“. Екатерина указывала Потемкину на недостаточность пассивных мер, на необходимость наступательных операций для спасения Кинбурна и Крыма. Допуская возможность взятия Кинбурна турками, она в одном письме говорит: „Не знаю, почему мне кажется, что А.В. Суворов в обмен возьмет у них Очаков“».

С начала августа Суворов находился, в Херсоне. Согласно плана обороны генерал-аншефу Суворову предписывалось прикрывать Херсон и оборонять побережье от Буга до Перекопа. Войска его стояли по обе стороны Днепра. Полки только что пополнили рекрутами, которые еще ничего не умели, и пока от них было больше мороки, чем пользы. В войсках свирепствовала дизентерия и лихорадка. Но готовить войска к войне было все равно надо.

– Ключ к захвату Херсона – Кинбурнская коса. А потому турки постараются начать, прежде всего, именно с нее! – говорил Суворов. У Кинбурнской крепостицы на самой косе стояли в готовности четыре пехотных и два казачьих полка под началом старого соратника Суворова генерал-майора Ивана Река.

Турки имели обыкновение ежегодно высылать эскадру к Очакову. Однако на этот раз в очаковские воды пришел весьма большой флот, что было весьма подозрительно. Однако в остальном пока все было тихо. За долгие мирные годы между Очаковским сераскиром и кинбурнскими начальниками давно установились соседские отношения. 18 августа в Очаков из Кинбурна, как это нередко бывало, был послан по каким-то обычным делам полковник Ефим Булгаков, кузен посла в Турции. Принимавший Булгакова паша выглядел взволнованным. Без долгих разговоров он велел всем присутствующим удалиться, и когда за последним закрылась дверь, спросил:

– Есть ли в Кинбурне какие-либо важные новости?

– Да нет, никаких новостей нет. Все как обычно! – пожал плечами Булгаков.

– К сожалению, у нас новости есть! – качнул тюрбаном сераскир и вздохнул.

– Почему, к сожалению? – напрягся полковник.

– Порта объявила России войну, и брат ваш уже сидит на цепи в Едикуле! Мы с вами видимся, вероятно, уже в последний раз! Мой телохранитель выведет вас из крепости. Да смиляется Аллах над всеми нами!

Вернувшись в Кинбурн, полковник Булгаков немедленно известил о новости генерала Река, тот срочно отправил письмо в Херсон Суворову. Тот, не дожидаясь официальных известий, немедленно заложил для защиты гавани Глубокой и Херсона шесть земляных батарей и вооружил их орудиями.

13 августа Турция объявила России войну. 7 сентября Екатерина Вторая издала манифест о принятии дерзкого вызова.

Тем временем турки придвинулись от Очакова к Кинбурну и открыли по крепости бомбардировку, которая продолжалась несколько дней без перерыва. Вреда от этого особого не было. Впрочем, все понимали, что это только начало. Главные же силы Екатеринославской армии во главе с Потемкиным были еще далеко и только начали движения к турецким границам. К тому же Потемкин в это время из-за трагедии Черноморского флота пребывал в угнетенном состоянии, и на его помощь рассчитывать не приходилось.

12 сентября от стоящего под Очаковым турецкого флота отделились одиннадцать канонерских шлюпок и бомбарда. Подойдя к Кинбурнской косе, они открыли огонь по береговым укреплениям, повредив несколько строений и убив несколько человек. Через полчаса в ответ ударили крепостные орудия. Огонь был на редкость точен. Турки несли большие потери, но огрызались.

Перестрелка продолжалась всю ночь, а утром следующего дня на косу высадилось более 700 турок. Первыми неприятеля встретили донские казаки, приведшие турок в смятение, затем подоспели мушкетеры генерала Река. Бой был ожесточенный и кровопролитный. Наши выдержали атаку, а затем и сами ударили в штыки. Десант был разгромлен, и уйти не удалось никому. В довершение всего ближе к ночи от удачного выстрела разнесло в клочья турецкий линейный корабль. Разорванные человеческие тела находили за несколько миль от места взрыва. Лишь наступившее безветрие спасло турецкую эскадру от пожара.

14 сентября на Кинбурн примчался верхом сам Суворов. За себя в Херсоне он оставил генерал-поручика Бибикова.

– Это была лишь проба сил! Главные события еще впереди! – сказал генерал-аншеф, выслушав доклад о минувшем сражении Ивана Река. Контр-адмирала Мордвинова генерал-аншеф просил двинуть Лиманскую эскадру для прикрытия крепости, но тот, по своему обыкновению, отмолчался, и суда к косе не направил.

Между тем 15 сентября турецкий флот в 38 вымпелов снова подошел к Кинбурну и начал обстрел. Навстречу ему устремилась одинокая галера «Десна» под началом мичмана Ломбарда, который на свой страх и риск, решил помочь Суворову. Против всего турецкого флота у него была одна мортира и 16 трехфунтовых пушек.

Приняв галеру за брандер, турки вели себя настороженно и понемногу отошли под защиту очаковской батареи. Ломбард некоторое время их преследовал, но потом, поняв, что зарвался и будет окружен, в свою очередь, отошел к Кинбурну.

На этом попытки турок овладеть Кинбурном не прекратились. 30 сентября весь турецкий флот вытянулся в линию вдоль Кинбурнской косы и начал яростный обстрел русских укреплений.

Объехав под ядрами Кинбурнскую косу, Суворов заметил по движениям в турецком флоте, что там готовится что-то необычное.

– Вот теперь, кажется, начинается настоящее дело! – оценил полководец обстановку и послал гонцов за подмогой. – Артиллерии пока туркам не отвечать. Посмотрим, что ни замышляют!

1 октября началась генеральная битва за Кинбурнскую косу. С восходом солнца более 12 тысяч отборных турецких янычар высадились на кинбурнский берег и, закрепившись на нем, не встречая сопротивления, начали свой марш к крепости, бывшей в двух верстах от места высадки. Помимо янычаров в высадившемся войске было много «неверных» запорожских казаков, переметнувшихся на сторону султана и теперь стремившихся заслужить его похвалу, убивая единоверцев.

Из хроники сражения: «Около 9 часов неприятель подошел к косе с двух сторон: на запад от Кинбурна, на самой оконечности косы, стали высаживаться с кораблей турки; восточ-

нее Кинбурна, верстах в 12, пытались высадиться запорожцы, бежавшие в Турцию. Запорожская высадка была демонстрацией, для отвлечения русских от главного пункта атаки. Казаки приняли, было, запорожцев за русских беглецов, добровольно возвращающихся под свои знамена, но недоразумение скоро разъяснилось, и запорожцы были прогнаны. Высадка же турок на оконечность косы производилась беспрепятственно, под руководством французских офицеров; кроме того, для прикрытия судов, турки вбивали в морское дно, недалеко от мыса, ряд толстых свай... Турки высаживались с шанцевым инструментом и мешками и тотчас же принимались с поспешностью рыть неглубокие ложементы, наполняя мешки песком и выкладывая из „их невысокие бруствера. Ложементы велись поперек косы, от Черного моря к Очаковскому лиману, до которого, однако, не доходили, ради беспрепятственного движения войск, причем свободное пространство загоразивалось переносными рогатками. Ложементы вырывались параллельно один другому, по мере движения турок вперед; всех их было 14 или 15. При десанте турки имели всего одну пушку, взятую когда-то у русских“.

Когда Суворову доложили о начале высадки, он отнесся к известию весьма спокойно:

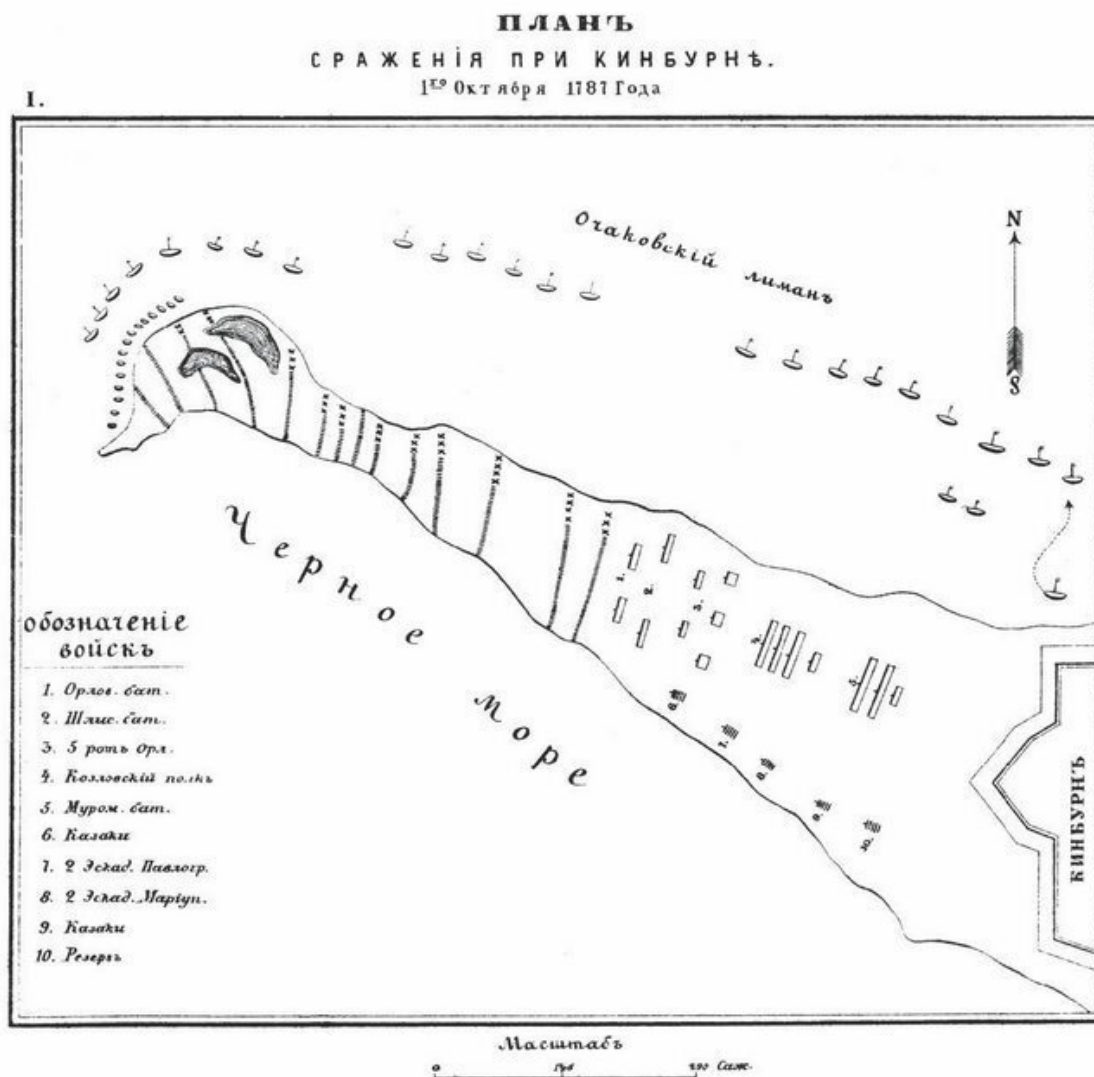
– Пусть все вылезут!

К удивлению присутствующих, Александр Васильевич пошел к обедне, в окружении офицеров.

Чувствуя близкую победу, турки, по воспоминаниям очевидца, „чуть было не кричали викторию“.

Предвидя замыслы противника, Суворов одну часть сил во главе с генерал-майором Реком оставил в крепости, вторую в полторы тысячи пехоты и донских казаков определил в засаду, а остальных поставил в резерве.

Первым, выйдя из крепости, в атаку на турок устремились батальоны Ивана Река. На флангах их поддерживали эскадроны Павлоградского и Мариупольского полков и донские казаки. Пехота шла по песку. Кавалерия двигалась по отмели, так как в мокром песке лошадям было легче скакать.

Несмолкаемая канонада, ружейный огонь, крики, стоны слились в единый гул. Ядра и бомбы с турецких кораблей, подошедших к самому берегу, буквально сыпались на головы. Упавшие ядра пинали ногами:

– Ишь, проклятая, иди-ка отсель! Не до тебя нынче!

Что касается донских казаков, то они стремились во что бы то ни стало поквитаться с изменниками запорожцами, и не одна бритая голова с оселедцем скатилась в тот день в песок от острой казацкой сабли...

К трем часам пополудни турки подошли к крепости на дистанцию менее версты. В этот момент Суворов вывел из крепости полторы тысячи солдат Орловского и Шлиссельбургского полков. Генерал Рек, пренебрегая опасностью, ринулся вперед и штыковым ударом захватил десять ложементов противника.

Историк А. Петрушевский пишет: „После полудня турки сделали омовение, совершили обычную молитву на глазах у русских и потом стали приближаться к крепости. Им не мешали. Подошли на версту, а передовые под закрытием берега приблизились шагов на 200 к гласису. Тогда, в 3 часу дня, по знаку Суворова дал сигнал к бою – залп из всех орудий, обращенных к западной стороне косы. Первая линия быстро двинулась из крепости; два полка казаков и два эскадрона регулярной кавалерии, стоявшие по той стороне Кинбурна, обогнули крепость со стороны Черного моря и бросились в атаку на турецкий авангард. Он был почти весь уничтожен вместе со своим начальником. Пехота тем временем взяла вправо, сильным ударом

опрокинула турок и погнала их к ложементам, несмотря на огонь турецкого флота, имевшего больше 600 орудий. Рек взял в короткое время 10 ложементов, но дальше проникнуть не мог; коса суживалась, стало тесно, и упорство турок возрастало. Орловский полк, бывший в первой линии, сильно поредел; Суворов двинул в бой вторую линию в помощь первой и приказал атаковать двум эскадронам. Турки, однако, не только выдержали, но удвоив усилия, опрокинули атакующих и выгнали их из всех ложементов“.

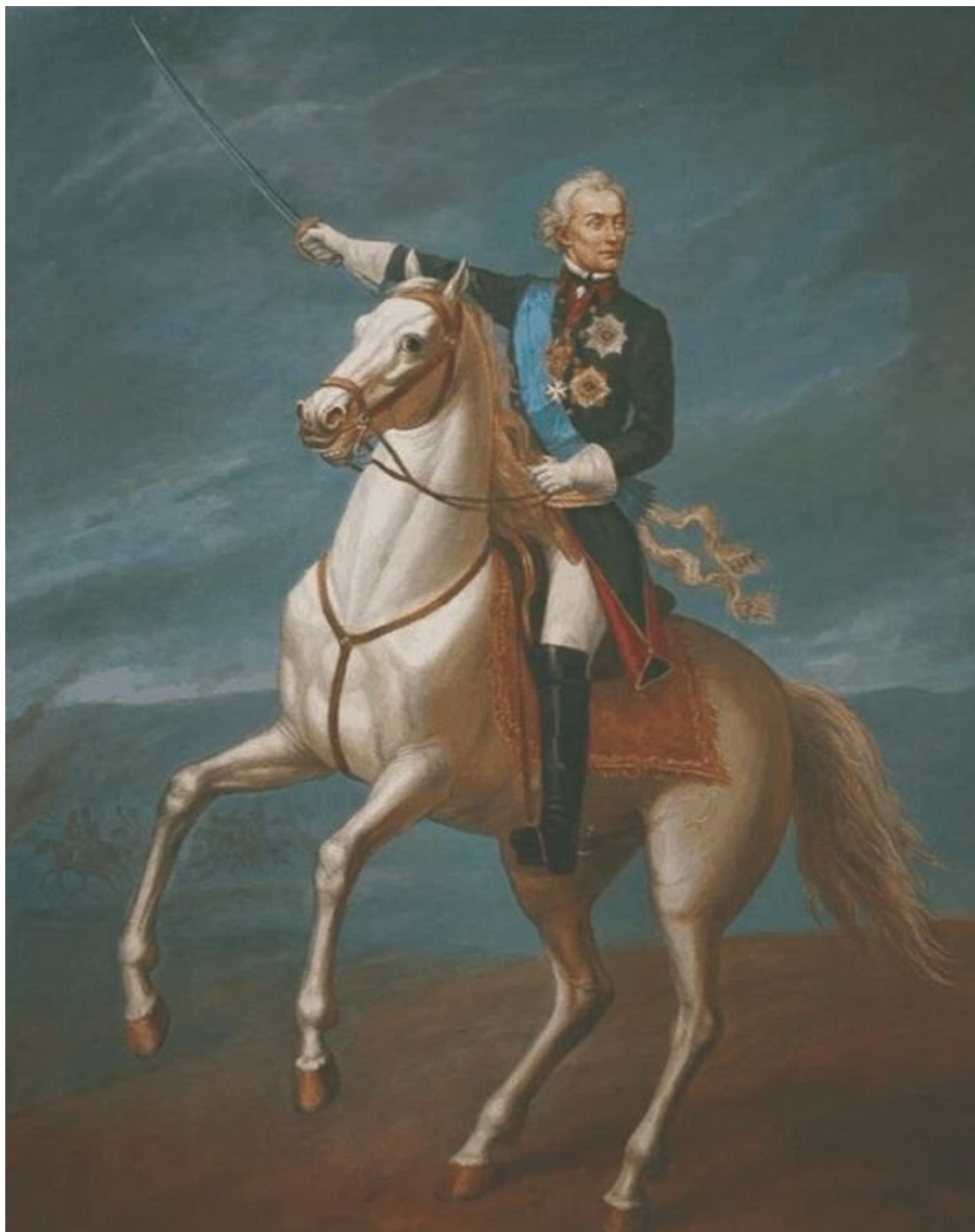
С турецким флотом вела яростную дуэль наша крепость. Удачными выстрелами уже были потоплены две канонерские лодки и шебека, несколько судов горели. Тем временем в бой вступила и одиноко стоявшая под Кинбурном галера „Десна“ мичмана Ломбарда, который отразил атаку восьми неприятельских судов.

За этим боем с берега наблюдал Суворов, который позднее писал князю Потемкину: „... Атаковал весь турецкий флот до линейных кораблей; бился со всеми судами из пушек и ружей два часа с половиной и по учинению варварскому флоту знатного вреда сей герой стоит ныне благополучно под кинбурнскими стенами“.

Забегая вперед, скажем, что инициатива Ломбарда Мордвинову показалась „вредным примером послушания и недисциплинированности“. Потемкину он написал: „Хотя он поступил против неприятеля с величайшей храбростью, но как он ушел ночью без всякого повеления, то я за долг почитаю его арестовать и отдать под военный суд“. Потемкин был иного мнения: „Я прощаю вину офицера. Оправдав хорошо свой поступок, уже должен быть награжден. Объяви, мой друг, ему чин, какой заблагоразсудишь“.

Лейтенантский чин Ломбард получил лишь после вмешательства Суворова. Мордвинову князь направил следующий ордер: „По засвидетельствованию генерал-аншефа Александра Суворова, уважая оказанную мичманом Жулианом Ломбардом, в сражении с турками, отличную храбрость, произвел я онаго, сего месяца 20 дня в лейтенанты. О чем, дав вам знать, предписываю сим чином в Черноморский флот его причислить“.

Но вернемся к событиям 1 октября. ...Турки дрались отчаянно.

Истерично визжали десятки дервишей-бешекташей, возбуждавших воинский пыл янычар. Уже пал под ятаганами храбрый полковник Булгаков. А спустя несколько минут турецкая пуля разворотила ногу и Ивану Реку. Генерал упал на руки солдат и его бесчувственного потащили в тыл. Воспользовавшись временным безначалием, турки бешено контратаковали и заставили наших отступить, захватив несколько орудий.

Тогда, спасая положение, вперед на коне вырвался Суворов:

– Стой ребята, хватит пятиться!

Вид любимого начальника несколько успокоил солдат. Они быстро строились в ряды.

Затем Суворов лично повел солдат в новую атаку, крича:

– Ребятюшки! За мной!

Задние ряды поднял в атаку ветеран прошлой турецкой войны сержант Рымников.

Снова стала брать наша. Турки попятнулись, и нам удалось отбить несколько окопов. Было уже в 6 часов вечера.

Однако в непрекращающейся многочасовой рукопашной схватке наши полки стремительно редели, турки же все продолжали и продолжали подвоз десанта. Силы были слишком неравными. Под напором многотысячного неприятеля, снова пришлось отступить. Так как перезаряжать ружья было некогда, повсеместно драка шла на штыках и ятаганах, по сути это был уже не бой, а резня.

Лошади Суворова ядром оторвало морду. Генерал-аншеф едва успел с нее соскочить. Но вскоре был ранен картечью в левый бок.

Из сочинения А. Петрушевского: „Суворов находился в передних рядах, пеший, так как лошадь его была ранена. Увидев двух турок, державших в поводу по добычной лошади и приняв этих людей за своих. Так как высадившиеся турки кавалерии не имели, сильно утомившийся Суворов крикнул им, чтобы подали ему лошадь. Турки бросились на него вместе с несколькими другими; но к счастью мушкетер Новиков услышал зов своего начальника, бросился на турок. Одного заколол, другого застрелил, и обратился было на третьего, но тот убежал, а с ним и остальные. Отступавшие гренадеры заметили Суворова и по крику: „братцы, генерал остался впереди“, ринулись снова на турок. Бой возобновился, и озадаченные турки стали снова быстро терять один ложемент за другим. Успех русских был, однако, не продолжителен; они израсходовали почти все патроны и не могли продолжать наступление под перекрестным огнем неприятеля: спереди производился сильный ружейный огонь, большею частью двойными пулями; справа приблизившийся флот осыпал русских градом бомб, ядер и даже картечей. . . Русские снова принуждены были ретироваться к крепости, что и исполнили в большом порядке, бросив, однако, несколько полковых орудий“.

Турки с радостными криками волокли в тыл захваченные пушки и яростно преследовали отступающих.

Вот как впоследствии сам Суворов писал об этих страшных минутах: „. . . С такими еще я не дрался; летят больше на холодное ружье. Нас особенно жестоко. . . били, мне лицо все засыпало песком, и под сердцем рана картечная ж. . . ежели бы не ударили на ад, клянусь Богом, ад бы нас здесь поглотил“.

В это время Суворов был вторично ранен. На сей раз пуля пробила ему левую руку. Ординарец и казачий есаул Кутейников отвезли истекающего кровью генерал-аншефа за крепость. Суворов велел наскоро обмыть рану морской водой. Кутейников перевязал рану своим галстуком.

– Помогло, помилуй Бог, помогло! – сказал, поднявшись, генерал-аншеф.

Ему подвели новую лошадь, помогли сесть в седло. Опытным взглядом полководец оценил ситуацию. Сражение представляло собой беспорядочное смешение наших и турок, которые без всякого строя толпами, резались друг с другом. Турки давили массой. Было очевидно, что в виду своей многочисленности они, в конце концов, перережут наших. Боясь попасть в своих, прекратили огонь из крепости. По той же причине перестали палить и с турецких кораблей.

Под стенами крепости Суворов держал свой последний резерв – три роты Муромский батальон.

– Всех в бой! – крикнул генерал-аншеф, бывшему при нем ординарцу.

В это время на косе появились и десять эскадронов легкоконной бригады, вызванной еще утром Суворовым из-под Херсона. Гусары подоспели как нельзя кстати. Прямо с марша они были брошены в бой.

Муромцы с ружьями наперевес дружно пошли вперед. Обгоняя их, в толпу турок врелись и гусары. Понеслось! Через несколько минут сумасшедшей рубки турки не выдержали нашего натиска и обратились в бегство.

Солнце уже садилось, когда наступление русских войск возобновилось в третий раз. При этом донские казаки сломили передовые порядки турок и отбили потерянные пушки.

Из хроники сражения: „Свежие войска повели третью атаку с бурным порывом. Турки были выгнаны из всех ложементов; легкоконная бригада била их с фронта, пехота теснила справа, казаки действовали слева. Неприятель очутился как в тисках и нигде не видел себе спасения, потому что суда, высадив десант, отошли в море по приказанию паши, который думал таким способом вдохнуть в свои войска больше решимости и храбрости. По словам Суворова, турки как тигры бросались на теснившую их русскую пехоту и кавалерию, но безуспешно. Скоро они были сбиты на пространство всего полуверсты; русская артиллерия громила их картечью, нанося страшный урон. Турки бросались в море: одни укрывались за бревенчатой эста-

кадой, другие искали спасения вплавь, и гибли в воде сотнями. Дело было для них проиграно безвозвратно“.

Преследуемый противник слабо защищал свои окопы и к ночи был отброшен на угол косы. Оставалось завладеть этой узкой полоской да сотней саженой на мысу, где скопились остатки десанта, но сил на это уже не было. Изнуренные солдаты падали прямо на поле боя и мгновенно засыпали.

– *Coup de grace!* – объявил Суворов – Последний удар!

Огонь по остаткам неприятельских войск открыла батарея Шлиссельбургского полка „турок картечами нещетно перестреляно“, а ротмистр Шуханов повел свои эскадроны в атаку прямо по грудам вражеских тел, загоня уцелевших турок в воду. Умолкший турецкий флот к этому времени отошел от берега, не став спасать тонущих в море.

Из хроники сражения: „Бой был рукопашный. Русские перемешались с турками, так что с крепости невозможно было стрелять, и хотя выстрелами успели взорвать две турецкие лодки, но, казалось, дело было проиграно. Многолюдство, наконец, должно было одолеть храбрость. Турки теснили, гнали русских – но счастье не забыло своего любимца: десять эскадронов конницы уже приблизились к Кинбурну и немедленно были введены в дело. Ужасное поражение следовало за их ударом. Турок гнали, били, топили в море, несмотря на отчаянную оборону. Едва 700 человек спаслось из 6000, вышедших на Кинбурнскую косу. Лучшая половина очаковского гарнизона погибла в этой высадке. Из 600 взятых в плен турок умерло от ран 500. Трупов дервишей насчитали до пятидесяти. Паша, предводивший турками, был убит. Русских убито до 200 и ранено до 800. В десять часов вечера кончилось сражение, и когда только вопли раненых и утопавших турок оглашали воздух...“

Победа была совершенной. Множество тел было выброшено морем на берег на следующий день.

– Молитесь Богу! От него победа! Бог вас водит. Он ваш генерал! – говорил Суворов, объезжая войска, с трудом удерживаясь в седле от большой потери крови.

Когда стало ясно, что сражение завершилось, Суворов, чувствуя полное изнеможение, отправился в крепость. Едва лекарь перевязал ему рану, как он упал без чувств.

– Что с генералом? – встревожились присутствующие офицеры.

– Большая потеря крови и упадок сил. Нужен сон и покой! – отвечал им лекарь, омывая руки в тазу, и готовясь к очередной ампутации.

В это время снова уже в полной темноте раздались крики и выстрелы, на этот раз уже позади крепости. Это изменники запорожцы решили попытать счастья внезапным ночным нападением.

По запорожским лодкам открыли огонь с крепостных верков. Услышав пушечные выстрелы, Суворов тут же очнулся:

– Что там!

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, запорожцы неверные наскок делают! Отобьем!

Но Суворов, забыв о ране, отправился на валы и находился там до полного отбития нападения.

Остатки турецкого десанта провели ночь в воде, за деревянным настилом. К утру их осталось еще меньше, так как умерло много раненных. С восходом солнца к косе осторожно приблизилось несколько турецких судов турецкие суда за живыми и мертвыми. Наши немедленно открыли огонь и потопили немало лодок, а потом к ужасу турок взорвали и большое транспортное судно, полное спасаемых. Уйти удалось немногим. Последние несколько сотен турок, спрятавшихся в камышах на оконечности косы, утром добились казаки.

Весь следующий день хоронили убитых. Трупы турок бросали в море. Среди убитых янычар были найдены два француза. По этому случаю, Екатерина написала Потемкину: „Буде из французов попадет кто в полон, то прошу отправить к Кашкину (губернатор Сибири – В.Ш.) в Сибирь в северную, дабы у них отбить охоту ездить учить и наставить турков“.

На следующий день Суворов выстроил войска лицом к Очакову. Был отслужен молебен, произведен салют. Историк пишет: „Тебе, Бога, хвалим!“ было воспето, при громе пушек с крепости».

Очаковские турки высыпали на берег, и безмолвно взирали на триумф противника. Беспокоить кинбурнцев выстрелами они уже не решились. А море почти до весны выкидывало на берег трупы янычар.

* * *

Насколько трагически для нас могли быть последствия падения Кинбурна, вследствие которого мы теряли и Херсон, а туркам открывался свободный путь на Крым, настолько важной оказались и последствия победа. Турецкий флот немедленно удалился из-под Очакова в Константинополь. Известие о победе взбодрило пребывавшего в унынии Потемкина. После Кинбурна светлейший снова стал бодрым и деятельным.

«Не нахожу слов благодарить тебя, сердечный друг! – писал Суворову Потемкин, – да восстановит Бог твое здоровье для общих трудов!»

17 октября Кинбурнскую победу праздновали в Петербурге. Императрица с удовольствием рассказывала приближенным подробности сражения. Во дворце был большой выход. Реляцию читал вслух вице-канцлер Безбородко. Вельможи приносили Екатерине свои поздравления. Затем был отслужен молебен в Казанском соборе с коленопреклонением и с пушечной пальбой. Там реляцию читал губернатор, которого четырежды просили ее повторить.

– Старик поставил нас на колени! Жаль только, что его ранили. – говорила Екатерина.

В собственноручном письме она изъявила Суворову благодарность: «В первый раз по начале войны благодарили мы Бога за победу и одоление над врагом, и читали в церкви деяния ревности, усердия и храбрости вашей. Объявите всем наше усердие и благодарность. Молим Бога, да исцелит раны ваши и восставит вас к новым успехам».

Подвиг Суворова был награжден высшим отличием империи – орденом Андрея Первозванного.

– Он заслужил его верою и верностью! – заявила Екатерина.

Сам Суворов писал в те дни своей дочери Наташе, учившейся в Смольном монастыре: «У нас была драка посильнее той, когда вы друг друга за уши дерете. И так мы танцевали: в боку картеча, на руке от пули дырочка, да подо мною лошади оторвало мордочку! То-то была комедия – насилу через восемь часов с театра отпустили. Я только что возвратился – проездил 500 верст верхом. А как у нас весело: на море поют лебеди, утки и кулики, на полях жаворонки, синички, лисички, а в воде стерляди, да осетры – пропасть! Прости, мой друг, Наташа! Знаешь ли, что матушка императрица пожаловала мне андреевскую ленту за Веру и Верность?»

Награды были щедрые. Офицерам – георгиевские кресты, золотые и серебряные медали, да повышение в чинах. Екатерина лично укладывала в коробочку орденские ленточки. Солдатам – серебряные медали и денежные выдачи по пять целковых.

Биограф Суворова А. Петрушевский писал: «Дело 7 июня было первым, но конечно не последним; в том порукою служили и сила турецкого флота, и личные качества Гассан-паши. Суворов не упустил этого соображения из вида и, оценив важность положения Кинбурнской косы для морских действий на лимане, положил тотчас же вооружить ее батареями. По его указанию принялись немедленно за работу; возведены были две батареи на 24 пушки, устроена

ядро-калительная печь, и все это по возможности замаскировано. Батареи отстояли от Кинбурна на 3 или 4 версты, следовательно, требовали особых оборонительных средств. Суворов расставил в этом промежутке 2 батальона, четырьмя отдельными частями. Половина людей стояла постоянно в ружье, другая отдыхала. Положение этих батальонов было чрезвычайно тяжелое, не по свойству службы, а потому, что они стояли на месте прошлогодней битвы. Трупы, зарытые в песок, гнили медленно вследствие фильтрации морской воды и издавали отвратительный запах. Явились признаки заразы, несколько человек умерло. Суворов предписал частые купанья в море и как можно больше движения, испытал пользу этих мер на самом себе. Находясь весьма часто на косе, он был доведен однажды трупным запахом почти до обморока и, только выкупавшись немедленно в море, избавился от дурноты. Предусмотрительность Суворова насчет постройки батарей оправдалась последствиями».

А солдаты уже пели на маршах новую песню:

*Наша Кинбурнская коса
Вскрыла первы чудеса!*

В честь Кинбурнской победы Екатерина повелела отчеканить 190 медалей с надписью: «Кинбурн 1 октября 1787». Однако по ошибке директора Монетного двора при пересылке бумаг где-то «потеряли ноль, в результате чего было изготовлено всего... 19 медалей.

Получив эти медали, Потемкин ломал голову, как их делить! Злился: – Что у нас меди не хватает, могли и поболее кругляхов наделать! Не обеднели бы!

Светлейший решил по справедливости:

– Шесть медалей – пехоте, шесть – коннице, шесть – верным казакам и одну – артиллеристу, который поджег бомбой турецкий флагман. Кому именно давать, пусть решают сами!

Нам известен, по крайней мере, один кавалер Кинбурнской медали – запорожец Мартын Чепижко.

Медали с надписью: «Кинбурн 1 октября 1787»

* * *

Весть о сокрушительном поражении турецких войск под Кинбурном мгновенно долетела до Константинополя. Русский агент доносил из турецкой столицы, что на берегу канала «мно-

гие женщины воют и плачут кто о сыне, кто о муже, другая о брате своем, которые, как они говорят, с Бекир-пашинскою эскадрою все пропали». Приехавший из Очакова купец донес Порте, что «в воскресенье турки возвратились в Очаков в самом малом числе, тотчас жители, стоявшие над морем с детьми и женами с великим плачем в крепость убежали».

Озабоченный известиями из Очакова, великий визирь каждый день ездил к устью Босфора смотреть, не возвращается ли флот. Одновременно он потребовал от французского посла обещанных 12 линейных кораблей и 12 фрегатов со всем вооружением, а также корабельных строителей, подобных Лероа.

Личного палача он отправил в Очаков за головой Бекир-паши.

Боясь очередного антивоенного бунта, Порты всячески старалась сохранить в тайне сведения о поражении под Кинбурном. Для поднятия боевого духа распускались противоположные слухи.

– Вы слышали, что Кинбурн и Тамань уже взяты, а в Синопе потоплено четыре русских корабля! – сообщали на базарах обывателям словоохотливые чиновники.

– Да что вы говорите! – радовались торгующие и покупающие. – Велика милость Аллаха к его рабам!

Глава четвертая

Трагедия капитана Веревкина

К большому неудовольствию Суворова, контр-адмирал Мордвинов ничем не поддержал его в день генерального сражения за Кинбурн. Лиманская флотилия под командой контр-адмирала Мордвинова так и не покинула дельты Днепра. И хот флотилия была не велика: три корабля, фрегат с ботом, баркасы да галеры гребные, помощь Суворову она могла оказать существенную. Большой книгочей, знаток английской экономики и поклонник Адама Смита, либерал и сын знаменитого адмирала, Николай Семенович Мордвинов, при всем том, был никудышным моряком. Он не мог, ни командовать, ни принимать решений. В жизни бывает и так.

– Почему этот академик отсиживается в речке и боится показать свой нос на море! – ругался генерал-аншеф Суворов, и в его словах была правда.

Когда битва за Кинбурн уже была завершена, Мордвинов осторожно вышел в Днепровский лиман. К вечеру он встал на якорь в расстоянии трех с половиной верст от Очакова.

Турецкий флот в составе трех линейных кораблей, пяти фрегатов и шести десятков различных мелких судов, стоял на якорях западнее города. Оценив обстановку, Мордвинов решил, что если зажечь крайний корабль на южном крыле, то весь турецкий флот будет воспламенен ветром, как-то уже было при Чесме. Для приведения в действие своего плана он выделил плавбатарею капитана 2 ранга Веревкина.

Дело в том, что при флотилии имелись две плавбатареи. Батареи те были неуклюжи и тихоходны, а потому думали, что будут они в случае чего, стоя на якорях, отгонять турок от днепровских протоков. На большее не годились. Насмешники дали им прозвище – «мордвиновские сундуки».

Андрей Веревкин командовал плавбатареей № 1. Своей батареей он гордился.

– И ничего вы не понимаете в проекциях корабельных! – говорил он, бывало, когда одолевали друзья-насмешники. – Вы только поглядите, какая она у меня пузатенькая, да и пушками, что ежик утыкана! Это ль не красота и прелесть?

Насмешники лишь плечами пожимали. Не поймешь этого Веревкина: то ли шутит, то ли нет? С тем и отходили в сторонку.

Биография же у капитана Веревкина была самая, что ни на есть боевая. Не многие на Черноморском флоте с ним сравняться могли. Еще в чинах мичманских прошел Веревкин Чесму, где дрался отважно и рану тяжелую получил. Затем, уже в чинах лейтенантских, штурмовал он сирийскую крепость Бейрут, бился с турками по всему Эгейскому морю, блокировал Дарданеллы. Не один год командовал кораблями и фрегатами на Балтике. Но ходу Веревкину там в чинах не было. Может, оттого, что уж больно худороден и некому за него полслова замолвить, а может, оттого, что нрав имел строптивый да правду-матку резал, когда о том его и не просили. В общем, едва стал флот Черноморский создаваться, напросился сам он в степи херсонские. И хотя выходило ему здесь по всем статьям кораблем линейным командовать, он его так и не получил. Контр-адмирал Мордвинов не пожелал отдавать столь опытного капитана в Севастопольскую эскадру, а оставил у себя в Лиманской. Так Андрей Евграфович командиром плавбатареи и стал.

После неудачи 1787 года, когда не удалось отбить у Суворова Кинбурнскую косу, турецкий флот отстаивался на якорях у Очакова. Более шестидесяти вымпелов собрал под своим началом опытный Эски-Гассан. Лиманская флотилия в силах туркам уступала, а потому посылать ее в линейное сражение Мордвинов опасался из-за явного неравенства сил. Но Потемкин неустанно требовал наступательных действий. И Мордвинов, наконец-то решился. Собрав у себя капитанов и флагманов, он объявил:

– Старый Хассан расположил свой флот тесным полукругом, и я повторю ему чесменскую ночь!

По замыслу Мордвинова, ночью к туркам должна была подойти плавбатарея, охраняемая, несколькими галерами. Внезапным кинжальным огнем она должна была зажечь стоявшие с наветренной стороны турецкие корабли. По расчетам русского командующего, разносящий искры ветер должен был довершить все остальное. Лавры и слава Чесмы не давали покоя кабинетному флотоводцу...

Капитаны отнеслись к мордвиновскому прожектору более чем прохладно. На бумаге у Мордвинова все ладно и красиво, а как выйдет на деле – не ведомо еще. Морщились капитаны, но молчали. Не сдержался, как всегда, лишь Веревкин, хотя и дергал его за рукав капитан 2 ранга Сакен: мол, уймись, Андрюша, не лезь на рожон, когда начальство стратегирует! Не послушал совета Веревкин, вскочил со своего места и начал говорить матку-правду:

– План ваш, господин адмирал, хорош лишь для чтений кадетам корпусным, для дела же настоящего он не годен! Нельзя посылать одно судно против целого флота – сие есть верная гибель! Я прошел и Чесму, и много иных баталий, а потому могу сказать, что ничего из плана вашего не выйдет!

Мордвинов стоял красный как рак.

– Уж не боится ли господин капитан, что именно его я намерен посылать в сражение? – скривился он. – Не заробел ли?

Веревкин, разумеется, не отмолчался:

– Я на службу не напрашиваюсь, но от оной и не отказываюсь! Труса ж никогда не праздновал. Не подведу и на сей раз! А правду свою вам уже сказал!

– Решение о баталии ночной я уже принял! – сложив руки на груди, объявил Мордвинов. – Совет окончен. Прошу господ офицеров расходиться!

В полдень 3 октября 1787 года с флагманского фрегата ударила сдвоенным залпом пушка. То был сигнал: «Изготовиться к нападению на неприятеля». Помимо плавбатареи № 1 к турецкому флоту должны были идти галеры лейтенанта Константинова и мичмана Ломбарда.

Веревкин собрал на палубе батареи команду, большей частью состоявшую из едва обученных рекрутов. Рассказал им о предстоящем деле. Затем унтера развели служителей по заведениям.

Когда же стало темнеть, Веревкин передал голосом на галеры, что снимается с якоря, и попросил не отставать от него. Большого он сделать не мог. Многомудрый Мордвинов не удосужился подчинить ему командиров галер.

Уже спустя каких-то полчаса Веревкин заметил, что ни одна из галер так и не начала движения вслед ему. Капитан 2 ранга нервничал. Формально идти в одиночку к турецкому флоту Веревкину не следовало, но ждать галеры (когда они подойдут – неизвестно) он тоже не мог: ведь тогда под угрозой оказывалось все предприятие. В столь сложном и щекотливом деле командир плавбатареи № 1 поступил наиболее разумно – он начал движение, не без основания полагая, что быстроходные галеры вполне догонят его тихоходный «мордвиновский сундук».

– Выставить по бортам матросов, чтоб смотрели галерные фонари! – приказал он своему старшему офицеру лейтенанту Кузнецову.

Ветер был верхний, и чтобы батарея лучше держала курс, шли на веслах. Незадолго до полуночи к плавбатарею, наконец, подошла шлюпка. Из нее перепрыгнул мичман Ломбард.

– Что это значит, Юлиан Иванович? – обратился к нему пораженный Веревкин. – Почему вы не на своем судне, и где, наконец, ваша «Десна»?

Ломбард ответом его не удостоил, а молча протянул засургученный пакет. Ознакомившись с посланием, Веревкин был весьма удивлен и озадачен. Контр-адмирал Мордвинов извещал командира плавбатареи о том, что Ломбард потерял в темноте свою «Десну» и по этой причине назначен командиром галеры лейтенанта Литке.

– Ну, а где же ваша новая галера, господин мичман? – поднял глаза на мальтийского рыцаря капитан 2 ранга.

– Ее я тоже не нашел! – браво ответил мичман.

– Так ищите! И причем здесь моя батарея? – еще более поразился Веревкин.

– Я слаб зрением и плохо вижу в темноте! – без тени смущения парировал Ломбард. – Когда же галера найдется, то я на нее и перейду!

Веревкин лишь прикусил губу. Что поделаешь! Ломбард был ему не подчинен!

– Хорошо! – бросил сквозь зубы. – Только не мешайте!

– Не диспозиция, а бедлам! – почесал затылок, стоявший неподалеку лейтенант Кузнецов. – Что делать будем, Андрей Евграфович?

– Выполнять приказ! – коротко ответил Веревкин.

Длинные ясеневые весла дружно ушли в воду. Из-под форштевня батареи, шипя, отхлынула волна. Пошли!

– Огонь! Огонь! – раздалось вскоре.

Когда дистанция до мерцающего в ночи фонаря сократилась, обнаружилось, что это ломбардовская галера «Десна».

– Вот и нашлось ваше судно! – сказал, подошедши к строптивому мичману, Веревкин. – Езжайте с Богом к себе, да принимайтесь за дело!

Но Ломбард отрицательно замотал головой:

– Это уже не моя галера. Я назначен на другую, а потому остаюсь у вас до ее нахождения.

– Одумайтесь! – напрасно пытался вразумить его кавторанг. – Ведь это не по-офицерски!

– Я не какой-нибудь ваш костромской дворянин, я мальтийский рыцарь госпитальер! – гордо вскинул голову тщедушный воспитанник Ордена Святого Иоанна.

– Видывали мы на Руси всяких рыцарей и мальтийских, и тевтонских! – мрачно заметил Веревкин. – Не хотите над своей галерой капитанствовать, будете у меня... пассажиром!

С «Десны» тем временем запросили пособить с бомбами.

– Куда ж вы свои-то подевали? – прокричали им веревкинцы.

– Так их у нас и не было! – отвечали оттуда.

Бомбы перегрузили быстро. Времени-то в обрез. Вдали вроде бы замаячила галера лейтенанта Константинова. Веревкин послал к ней шлюпку с просьбой держаться от него по левую сторону, чтоб он всегда мог рассчитывать на помощь. Вновь налегли матросы на весла, и плавбатарея прибавила ход. Вскоре из темноты стали прорисовываться верхушки мачт турецких кораблей. На них беспечно жгли огни. Внезапно поменялся ветер, став зюйд-остовым и сразу же вся хитромудрая затея Мордвинова полетела к чертям. Отступать, однако же, было поздно. Слишком глубоко в расположение флота противника забралась плавбатарея № 1.

– Руль право! – распорядился командир.

Осторожно обогнув турецкий флот, Веревкин направил свое судно к кинбурнскому берегу и встал на мелководье.

– У турецких кораблей осадка велика, и сюда они не сунутся. От мелочи же мы как-нибудь да отобьемся! – объяснил он офицерам свой маневр. – Пока подойдут галеры, продержимся, а там вместе прорвемся!

А галеры все не показывались, словно и не отправляли их вслед плавбатарее вовсе! Но думать о них времени уже не было. Начало светать. Вот уже вдали на салингах мачт турецких кораблей начали кричать голосистые муэдзины, созывая правоверных на утренний намаз. Затем, на всем турецком флоте поднялся страшный переполох, началась беготня.

– Никак, турка нас увидал, а увидавши, испужался малость! – переговаривались промеж себя матросы, заканчивая последние приготовления к бою.

Веревкин меж тем собрал офицеров.

– Милостью командующего и глупостью галерных капитанов мы брошены одни против целого флота! – заявил он. – Выбравшись на мелководье, я думал было дожидаться здесь галер, но их нет и, видимо, уже не будет, а поэтому биться нам придется самим! Мы можем, правда, сразу же выброситься на берег и тем спасти свои жизни. Но можем и атаковать, хотя при этом я не дал бы за счастливый исход и затертого пятака! Каким будет ваше мнение? Мнение было единодушным – атаковать!

– Bravo! – улыбнулся Веревкин. – Исполнить свой долг до конца и погибнуть с честью – это не так уж мало!

Выбрав якорь, плавбатарей на виду у неприятеля спустилась на фарватер и, подойдя к турецкому флоту, развернулась к нему бортом. Турки безмолвствовали, наблюдая за нахальными действиями одиночного русского судна. А затем по палубам неприятельских кораблей пронесся ликующий крик. Это матросы дали волю своим чувствам, предвкушая легкую добычу.

Доволен был и Бекир-паша, внимательно рассматривавший в трубу русское судно. Он, правда, все никак не мог взять в толк, для чего понадобилось тому в одиночку лезть в середину целого флота.

– Кто-то у них не в своем уме: или адмирал, или капитан! – заявил он с ухмылкой своим приближенным. – Но это мы скоро выясним, когда врежем палкой по пяткам русского капитана! Изготовьте шлюпки для захвата приза! Эта батарея – настоящий дар Аллаха!

Но обрадованный «даром Аллаха», Бекир-паша, при всей своей опытности, проглядел главное! Командир плавбатареи на самом деле действовал весьма рискованно, но далеко не столь безрассудно, как могло показаться со стороны. Веревкин надеялся, что на середине фарватера течение Днепра, при умелом маневрировании, само отнесет его в сторону от неприятеля. Надо было только до поры до времени не дать противнику разгадать свой замысел.

– Залф! – вскинул вверх шпагу русский офицер, прошедший Чесменскую баталию еще в чинах мичманских.

– Огонь! – махнул платком турецкий адмирал, бывший при Чесме уже в немалой должности младшего флагмана.

Гулко рявкнули чугунные пушки, и первая партия ядер, зловеще подвывая, понеслась к цели. Сражение началось.

Канониры с плавбатареи палили метко, и скоро Веревкин отметил первые попадания. Турки поначалу, наоборот, долго не могли пристреляться. Постепенно, однако, чахлые фонтанчики падающих в воду ядер стали ближе и ближе подступать к русскому судну. Теперь плавбатарея № 1 все чаще оказывалась в кольце брызг. Массивный деревянный корпус дернулся раз, другой, третий – это начались уже прямые попадания. Удивления, впрочем, на плавбатарею это не вызвало – бой есть бой! В клубах порохового дыма, в яростной решимости вела свой неравный поединок против огромного флота маленькая плавбатарея.

А вскоре случилось почти невероятное, что еще больше осложнило положение русского судна. Вот что написал о происшедшем в своем позднейшем отчете сам Веревкин: «Я бы дрался до самой ночи с неприятелем, ежели бы не разорвало у меня пушку с левой стороны от носа первую, которым разрывом убило до 15 человек, чем навело такой страх на служителей, что насилу с помощью мичмана Ломбарда и лейтенанта, данного от Вас мог собрать людей, которые бросились на палубу; и после того дрались мы еще с полчаса, но вторичное несчастье последовало: разорвало другую пушку на той же стороне от носу и убило больше 15 человек. Страх, нашедший на людей был столь велик, что не можно было никак сообразить, как их привести в чувство...»

Сегодня, наверное, легко судить за слабодушие рекрутов с плавбатареи № 1, но мне кажется, что надо быть к ним снисходительными. Ведь то, что испытали они, способно внушить робость и смятение даже опытным морякам. Они же только несколько месяцев назад покинули

свои деревни и, никогда прежде не видя моря, были сразу же брошены в такое пекло. Рекруты боялись не турецких ядер, они боялись смертельных разрывов своих пушек, от которых не было спасения! А какой авторитет и сила духа требовались их командиру, чтобы в таком аду дважды пресекать панику и возвращать людей к орудиям!

Позднее Веревкин с горечью напишет о качестве своих орудий: «... Что же принадлежит до артиллерии, то я удивляюсь, коим образом она принята с заводов, и кажется, что она без пробы принята, в рассуждении, что при разрыве пушки оказался чугун как с грязью дерева; что же принадлежит до единорогов, которыми я оборонялся... только стволы короткие, так что при каждом выстреле единорог опрокидывался через задние колеса».

Второй раз, возвращая матросов к орудиям, командир сам встал у первой пушки и, взяв в руки фитиль, произвел первый выстрел. Ободренные примером командира, встали по местам и канониры. Снова заговорила русская артиллерия, по палубам турецких кораблей запрыгали смертоносными мячами ядра.

Когда окончательно взошло солнце, обнаружили плавбатарейцы вдали и пропавшие галеры. Те стояли на якорях и даже не пытались прийти на помощь своим товарищам...

Пал под ядрами артиллерийский поручик Иваненко. Вместе с ним погибло еще трое. Бой продолжался.

Ближе к полудню Веревкин окончательно убедился, что помощи ему не будет не только от галер, но и от Мордвинова, который оставался совершенно безучастный к судьбе плавбатареи. И тогда капитан 2 ранга скомандовал:

– Рубите якорный канат!

В этот момент полез было к нему с советом всезнающий мичман Ломбард.

– Да отстань ты! – ругнулся капитан 2 ранга. – На галере своей познания надо было являть! Не до тебя сейчас!

Прикусив губу, храбрый госпитальер отошел. Глаза его пылали злобой. Настоящие рыцари оскорблений не прощают!

– Эй! На руле! Держать курс в море! – приказывал тем временем Веревкин, ворочавшим тяжелое штурвальное колесо рулевым.

Теперь, яростно отстреливаясь, плавбатарея стремилась уйти к берегам Крыма, чтобы там, найдя мелководье, спастись от турок. Минуя весь турецкий флот. Веревкин попеременно дрался с каждым из неприятельских кораблей. Залп по очередному противнику, залп в ответ – и дальше к следующему кораблю, к новому обмену залпами, – здесь еще раз сказались опыт и предусмотрительность капитана! Еще до начала боевых действий Веревкин позаботился об установке вдоль бортов набитых шерстью мешков. Теперь это очень даже пригодилось. Пройдя вдоль всей турецкой боевой линии, плавбатарея потеряла лишь несколько человек!

Наконец турецкие корабли остались позади. Гребцы из последних сил налегали на весла, и плавбатарея № 1 устремилась в отрыв. Но не так легко уйти от достаточно опытного Бекир-паши! Тотчас же над его флагманским кораблем взлетели сигнальные флаги и в погоню за ускользающей добычей устремились лучшие ходоки турецкого флота. С ними ли тягаться тихоходной и неповоротливой батарее!

– Два фрегата при четырех галерах! – спокойно отметил Веревкин, оглядев преследователей в зрительную трубу. – Не мало, но и не много в сравнении с целым флотом!

Артиллеристам он велел целить без торопливости, но наверняка. А затем встал к пушке и сам. Результаты сказаться не замедлили. Несколько метких выстрелов с плавбатареи и один из фрегатов, объятый пламенем, выбрасывается на прибрежную отмель. Залп и сразу две галеры следуют его примеру. Кажется, можно и дух перевести, но не тут-то было!

– Господин капитан второго ранга! – кричит с марса встревоженный впередсмотрящий. – На траверзе еще паруса!

То были, спешившие на пересечку, еще два турецких фрегата с несколькими галерами. Быстро нагнав и взяв в клещи плавбатарю, турки попытались было прижать ее к берегу, чтобы окончательно лишить хода. Но всякий раз попытки их заканчивались неудачей. Капитан 2 ранга Веревкин дело свое знал отменно. Буквально в самый последний момент он умудрялся ловко уворачивать «мордвиновский сундук» из-под турецких объятий. При этом русские пушки непрерывно поливали картечью неприятельские палубы, оставляя на них десятки трупов. Три бешеные атаки выдержала плавбатаря. Три раза Андрей Евграфович Веревкин оставлял превосходящего противника за своей кормой. Казалось, что хоть теперь-то военное счастье улыбнется отважному капитану... И снова несчастье! Да какое! Когда в четвертый раз на плавбатарю навалились турецкие фрегаты и с них кричали отчаянно: «Капитан, сдавайся! Капитан, не пали!» – на батарее вспыхнул сильный пожар у раскрытого люка крюйт-камеры. Матросы бросились от пушек.

– Безумцы! – кричали им офицеры. – Вы все равно погибнете! Назад! К орудиям!

Но их никто не слушал. Положение сразу же стало критическим. Турки, почуяв перелом боя, усилили огонь. Крюйт-камеру отстояли, но по мачтам уже взбегали жадные огненные языки. Многие крестились:

– Все кончено! Прими нас, Господи!

И вновь обратимся к рапорту самого командира: «...В то самое время схватил я саблю и грозил всех... (в документе неразборчиво – В.Ш.), потом, бросившись к единорогу, выстрелил из него картечью, отчего неприятель отворотил в беспорядке от меня, не сделав ни одного выстрела из пушек...»

Офицеры тем временем ободрили людей и заставили их встать к орудиям. Положение было восстановлено. Веревкин вытер ладонью покрытое пороховой копотью лицо:

– Господи! Дай нам силы все превозмочь!

Слова капитана 2 ранга заглушил страшный взрыв. Это разнесло в куски очередную пушку. По всей палубе валялись обрубки человеческих тел, кровь стекала в шпигаты ручьями. Те немногие, кто уцелел под градом осколков, были почти невменяемы. Казалось, что, теперь-то уж, все! Но нет, и в этом случае Андрей Евграфович нашел, как привести матросов в чувство и поставить к нескольким еще уцелевшим орудиям. Следуя левым галсом в полный бейдевинд, плавбатаря все же сумела оторваться от побиваемых ею турецких фрегатов. Но к Крыму идти было уже нельзя – вдали маячила очередная неприятельская эскадра. И тогда Веревкин повернул на Гаджибей. Где-то вдалеке осталась Лиманская флотилия. Контрадмирал Мордвинов, по-прежнему, не решался прийти на помощь своей плавбатарее. На подходе к гаджибейской крепости Веревкин едва не попал под огонь береговых орудий. Матросы были уже ко всему безразличны.

– Все одно помирать! – говорили они. – Так хоть бы скорее, чтоб не мучиться!

Но командир плавбатарей думал иначе. Поворотив через фордевинд на новый галс, он удачно вышел из зоны крепостного огня. Отойдя же от Гаджибея, бросил якорь. Плыть далее было опасно. Стояла уже глубокая ночь. Обойдя судно и осмотрев трюм, Веревкин убедился, что батарея едва держится на плаву.

– Одна хорошая волна – и мы на дне! – мрачно констатировал он.

– Следует немедля затопить судно, сбить из бревен плот и уходить в море. Может, куда и вынесет, – предложил Юлиан де Ломбард.

– Лучше, по-моему, затопить батарею, самим же плыть к берегу, а там пробираться по степи к Херсону! – немного подумав, высказал свой вариант лейтенант Кузнецов.

У Веревкина были соображения иные.

– Потопиться мы всегда успеем! – заявил он. – Пока ж определите людей для починки, и будем ждать рассвета! Там все станет ясно!

С первыми лучами солнца с плавбатарей увидели, что находятся неподалеку от низкого песчаного берега, по которому разъезжали сотни конных татар. У берега же сонно качались на якорях полтора десятка турецких транспортных судов. Оглянулись на море – там белели парусами державшие курс на Гаджибей неприятельские фрегаты.

– Вот, господа, и попытайся мы прорываться на плоту или высаживаться на берег! – скупобронил Веревкин. – Наш план будет иным!

Как же решил действовать в столь непростой обстановке Андрей Евграфович Веревкин? А так, как подобает русскому офицеру!

«Я не имею никакой помощи к спасению людей и судна, не имея шлюпки и потеряв все весла при рассвете. Пушек и провианта малое число, пресной воды ни капли, почел за лучшее сняться с якоря, идти к тем купеческим судам, чтоб оными овладеть и все сжечь, а которое способно будет к гребле, взять оное, и, пользуясь тем, спасти себя от бедствия...»

Теперь экипажу плавбатарей предстоял новый бой. На этот раз с целой флотилией вооруженных транспортов. Впереди ждал абордаж! Офицеры были настроены решительно: только вперед! Старослужащие матросы тоже. Зато рекруты смотрели угрюмо. Они уже давно перестали понимать происходящее. У нескольких человек помутился от пережитого рассудок. Их по приказу командира связали, чтоб не выбросились за борт.

Медленно набирая ход, сильно осевшая от многочисленных пробоин, батарея целила в самую середину турецкой флотилии. Давалось это с большим трудом – судно почти не управлялось. Веревкин тем временем в трубу уже определил объект атаки.

– Вон та бригантина нам подойдет вполне! – обратился он к стоящему неподалеку Ломбарду. – Вы начальник абордажной партии! Прошу...

Резкий и сильный удар бросил офицеров на палубу. Судно стремительно заваливалось на борт, трещи и рассыпаясь па глазах.

– Всем осмотреться! Что случилось? – закричал, вскочив на ноги, капитан 2 ранга.

То, что он увидел, повергло Веревкина в отчаяние. Плавбатарея выскочила на прибрежную песчаную мель.

– Только крушения нам сейчас не хватало! – в сердцах стиснул кулаки Веревкин.

Пока офицеры торопливо решали, что должно и можно предпринять в создавшейся ситуации, снова взбунтовалась команда, которую неожиданное крушение судна ввергло в полную панику. Остановить на этот раз обезумевших людей было уже невозможно. С криком: «Пусть лучше татарва головы порубает, нежели тут смерти дожидаться!» рекруты бросались в воду и плыли к близкому берегу. Ломбарда с Кузнецовым, попытавшихся было их остановить, попросту избили, а Веревкина силой заперли в трюме.

Однако, и будучи запертым, командир не пожелал прекратить борьбу. Теперь он стремился, как можно больше разрушить свое судно, чтобы оно не досталось неприятелю. Придя немного в себя от понесенных побоев, Веревкин вооружился топором и стал рубить днище, ускоряя поступление воды. Затем подпалил бывшую в трюме пеньку и парусину.

Татары брали потерпевшую крушение плавбатарею в конном строю, благо вокруг было мелко, а пушки покинутого командой судна уже молчали. Веревкина, угоревшего от дыма, вытаскивали из трюма за ноги. В сознание капитан 2 ранга пришел уже на берегу. С трудом разлепил спекшиеся губы:

– Пить! Пи-ить!

Стоявший над ним татарин, осклабясь, хлестнул изо всех сил кнутом:

– У, урус, шайтан!

Обвязанного арканом, его бросили в седло.

– Гей! Гей! Гей!

И понеслись с редкостной добычей в лагерь. Впереди у Андрея Веревкина был плен, долгий и тяжкий.

Глава пятая

В предверии новых боев

С потерей батареи Веревкина стрельба в Лимане не прекратилась.

5 октября контр-адмирал Мордвинов решил все же атаковать турецкий флот под Очаковым силами оставшихся восьми судов. Перестрелка была произведена без потерь для обеих сторон, после этого турецкий флот снялся с якоря и ушел в сторону Варны, а Мордвинов на следующий день произвел бомбардировку Очакова. Контр-адмирал радовался:

– Мною одержана большая победа, и неприятель, презренный бежал от меня во всю прыть!

Однако у командиров кораблей особой уверенности в победе не было.

– Турки ушли – это факт! – говорили они промеж себя. – Но почему ушли? Потому ли, что мы доняли его своей стрельбой флегматичной или оттого, что просто удалился на зимовку?

После удачной обороны Кинбурна Екатерина выразила свое пожелание Потемкину, чтобы тот приступил к осаде Очакова.

В ноябре приободрившийся Потемкин приехал из Елисаветграда в Херсон для осмотра галерного флота, созданию которого он отдал много сил. При этом светлейший осмотрел лиман и на шлюпке очень близко подошел к Очакову, так что едва уцелел.

Разговаривая с флотскими офицерами о Кинбурнском деле, Потемкин заметил:

– Турки в будущую кампанию наверняка придут в лиман для отмщения за вашу отважность и за причиненные беспокойства. Но я надеюсь на всех вас, что покажете им, какова Херсонская гребная флотилия!

Офицеры дружно заверили фельдмаршала, что покажут туркам, где раки зимуют.

Что касается Екатерины, то князь в письме подробно объяснял ей, почему не так скоро, как она ожидала, можно было приступить к осаде Очакова: «Кому больше на сердце Очаков, как мне? Несказанные заботы от сей стороны на меня все обращаются. Не стало бы за доброй волею моей, если б я видел возможности. Схватить его никак нельзя, а формальная осада по позднему времени быть не может, – и к ней столь много приготовлений!.. Если бы следовало мне только жертвовать собою, то будьте уверены, что я не замешкаюсь минуты; но сохранение людей столь драгоценных обязывает иттить верными шагами».

К оправданиям Мордвинова светлейший отнесся весьма скептически.

– Господин адмирал я вами недоволен! – прямо в глаза говорил он контр-адмиралу. – Учености у вас много, а толку никакого! Отныне сидите в Херсоне, чините старые суда и стройте новые. Для бойкого дела вы не годитесь!

Секретарю Василию Петрову он с горечью признавался:

– На лимане мне нужен новый флагман дельный и храбрый! А вот кого назначить, не знаю!

– В Севастополе хорош бригадир Алексиано! Отзывы о нем только самые хорошие!

– Алексиано? – подумал, выпятив, по своему обыкновению, нижнюю губу, светлейший. – Что ж, пишите ордер! Как же мне не хватает опытных морских офицеров!

Однако Алексиано оказался тяжело болен, и Войнович послал вместо него в Херсон бригадира Федора Ушакова.

Пока пересылали бумаги, принимали решения, пока Ушаков доехал до Херсона, турецкий флот ушел восвояси и боевые действия в лимане окончились. На долю Ушакова осталась лишь подготовка флотилии к зимовке. Когда все суда были введены в гавани и разоружены, Мордвинов отправил Ушакова за ненадобностью обратно в Севастополь, где продолжался ремонт его корабля «Святой Павел». Потемкин, узнав об этом самоуправстве Мордвинова, разгневался, однако Ушакова обратно отзываться не стал. Что сделано, то сделано!

* * *

История с самоуправством отсылки Ушакова напомнила светлейшему о другой провинности Мордвинова – потере плавбатареи. И он потребовал от Мордвинова подробного отчета. Спустя несколько дней после боя на столе у светлейшего лежал подробный мордвиновский отчет о произошедшем сражении и последовавшем крушении плавбатареи. Что же писал и кого обвинял в письме Николай Семенович Мордвинов? Контр-адмирал называл виновными всех, кроме себя! Мордвинов писал так: «Сколько я мог узнать, то неудача произошла оттого, что Ломбард, который был назначен со своею галерою, пошел на батарею, а галере приказал сняться с якоря и идти вслед; другая галера не скоро снялась с якоря и потеряла батарею из вида. Батарея же поторопилась идти одна, а не соединено с двумя галерами, как от меня было приказано».

Из отчета командующего выходило, что главный виновник происшедшего – Ломбард. Но дело в том, что одновременно с мордвиновским докладом на стол Потемкина легло еще один. Автором второго письма был никто иной, как Жулиан де Ломбард! Каким образом, находясь в плену, да еще в такой малый срок, он смог переправить свое послание, остается загадкой и поныне. О чем же, писал мичман Ломбард? И зачем ему вообще понадобилась эта затея с письмом? Ответ ясен из содержания его бумаги. Мальтийский рыцарь подробно доносил светлейшему все перипетии трагического сражения. При этом как мог, выпячивал свои заслуги, не забывая поливать грязью командира плавбатареи. Ни о каком рыцарском благородстве речи не шло. Не до того – надо было спасти свою репутацию героя и отчаянного смельчака. И Потемкин поверил... Ломбарду! Еще бы, в его памяти были свежи лихие рейды бравого мичмана у Кинбурна.

Наконец, и сам Суворов, благодарный за оказанную ему помощь заступился за Ломбарда! За капитана Веревкина заступников не нашлось. Под впечатлением ломбардовского пасквиля Потемкин немедленно отписал письмо Мордвинову: «Милостивый государь мой, Николай Семенович! Полученное мною... письмо к Вам от лейтенанта Ломбарда сим препровождаю. Из оного усмотрите, ваше превосходительство, сколь малонадежного человека употребили вы на батарею, и сколь пагубно было его упорство и невнимание к советам, которые преподает ему господин Ломбард. Вы же сами довольно знали невозможность господина Веревкина, чтобы вверить ему жизнь многих храбрых людей...»

Столь предвзятое отношение к командиру плавбатареи № 1, которого хорошо знали и уважали черноморские офицеры, породило ропот в их среде. Письмо Потемкина вызвало возмущение даже у Мордвинова. Несмотря на то, что контр-адмирал особых чувств к Веревкину не питал, он все же посчитал нужным в ответе светлейшему заступиться за попавшего в беду капитана 2 ранга.

В своем послании от 25 марта 1787 года он пишет следующее: «Письмо от вашего курьера я получил. Теперь не время отвечать на письмо господина Ломбарда: предубеждение сильно еще действует. В спокойное время вы сами усмотрите, что оно преисполнено противоречиями, явною ложью и бесстыдным хвастовством. Подобных писем у меня много из-под Кинбурна. Скажу вам только, что по усердию моему к службе, желаю вам иметь побольше Веревкиных, и что, Ломбард не отнимет у него достоинства искусного и храброго офицера: он репутацию свою имеет, утвержденную многими годами службы... Не худо было бы допросить солдата, который был на батарею и который теперь у вас. Простой солдат истину лучше расскажет. Я и многие свидетельствовать могут про то время, когда он съехал с моего фрегата. Все, что он пишет – есть бесстыдная ложь. Вы имеете рапорт мой за пять дней прежде отплытия эскадры к Очакову и ночной атаки. Вы знаете, Ломбарда, я недовольно уважал, чтобы с ним мог дружелюбно советоваться. Я соболезнаю, что храбрые люди, прославившие нас, но безгласные, в оную

минуту предаются оклеветанию. Но если бы Веревкин был дурен, имел бы ли из кого я выбрать лучшего? Прошу припомнить, в каком состоянии флот тогда находился и то также, что не упустил я требовать все, что нужно для флота на другой день по получении письма из Ясс о войне. Полезно было бы для вас и вообще для всех, чтобы исследованы были поступки Ломбарда во все время его начальства на галере, особенно во время сражения».

* * *

Настала зима и Суворов велел скалывать лед у берега Кинбурнской косы, чтобы турки не могли атаковать по льду. Однако впечатление от разгрома было столь велико, что турки, ни о никаком нападении в течение всей зимы даже не помышляли.

За это время на оконечности Кинбурнской косы по приказу Суворова были возведены две укрепленные батареи на тринадцать и шесть орудий. Батареи эти отныне контролировали вход в лиман. Пройдет несколько месяцев и эта инициатива Суворова принесет свои плоды.

Артиллеристов Суворов велел усиленно приучать к скорой пальбе, но исключительно для проворного заряжания, а против неприятеля стрелять редко и метко.

Быстрому батальному огню он обучал и пехоту, но опять-таки только для быстрого заряжания, так как в бою такой огонь опаснее своим, так как много пуль идет на ветер, и неприятель ободряется. «Оттого пехоте стрелять реже, но весьма цельно, каждому своего противника, не взирая, что когда они толпой... При всяком случае наименее неприятелю страшный ему наш штык, которым наши солдаты исправнее всех в свете работают».

На зиму Суворов остался в Кинбурне. Здоровье его поправлялось медленно. Первые месяцы он часто терял сознание от слабости. Через четыре месяца бок еще болел, и нельзя было в правой руке держать поводья. Это, однако, не помешало однажды проскакать ему за шесть дней 500 верст верхом и быть в отличном расположении духа.

Ближе к весне к Очакову двинулась вся Екатеринославская армия. Место главного сражения будущей кампании, таким образом, определилось.

* * *

Что касается турок, то Бекир-паша с оставшимся флотом, который недосчитал шесть десятков судов, уныло вернулся в Буюк-Дере. Проход эскадры по проливу сопровождался истошными криками и воплями женщин. Прибывшие суда были в плохом состоянии и требовали починки. На их борту было много раненых. Едва же матросам разрешили сходить на берег, команды большей частью разбежались. После этого разбежались и оставшиеся в живых после побоища на Кинбурнской косе.

– Лучше отрубить головы здесь, нежели посылать нас на жертву в Черном море, где все одно смерть только мучений больше! – кричали янычары своим начальникам, убегая.

По традиции султан с визирем не стали долго искать виноватых в неудаче и к вечеру следующего дня было велено капитан-бея «задавить», что и было тут же сделано. Что касается второго виновника Бекир-паши, то он, каким-то образом, сумел оправдаться и избегнуть казни. Опального адмирала отправили сераскиром в Варну.

Теперь вся надежда турок была на капудан-пашу. Эски-Гассан (старый Гассан) был и в самом деле личностью знаменитой. Отличился он еще в прошлую войну в Хиосском сражении и при Чесме. И хотя турецкий флот тогда был полностью истреблен, Гассан-паша заслужил славу храброго моряка и талантливого флотоводца, за что и удостоился титула «крокодил морских сражений». В последующие годы он довольно успешно боролся с греческими корсарами в Архипелаге, да и сейчас успешно правил Египтом. Среди правоверных Эски-Гассан почитался

наравне с визирем. А к его мнению порой прислушивались даже больше, чем к мнению визирей, которые, в отличие от многоопытного Гассана, то и дело менялись.

Наконец, в конце октября оставив правление Египтом своему калге и новым беям, Эски-Гассан прибыл в Константинополь.

Найдя, что флот находится в крайне запущенном состоянии, Эски-Гассан собрал капитанов.

– Наш султан излишне милостив и велел отсечь всего одну голову! Я не буду столь великодушен и велю отсечь тысячу голов, но флот будет приведен в должный порядок! – заявил он им без лишних слов. И капитаны поняли, так оно и будет.

Помимо починки судов, Эски-Гассан велел строить новые.

Мастеру Лероа он сказал:

– Мне сейчас не нужны не большие линейные корабли, которых у нас и так в достатке. Мне нужны суда для высадки войска в Крым!

– Сколько вам надо таких судов? – спросил опытный мастер.

– Сто! Кроме этого мне нужно сорок плоскодонных канонерских лодок с большими пушками!

– О, великий адмирал собирается высаживать армию на русские берега! – покачал головой француз.

– Я собираюсь стереть в порошок тех, кто посмел обнажить свой меч на величайшего из всех падишахов! – сдвинул брови старый Гассан. Одновременно помощникам-чаушам было велено набрать 23 тысячи матросов и 60 тысяч «морского войска» – десанта.

– Но где же мы наберем столько? – развели руками удрученные чауши. – Когда и те, кто был, поразбежались!

– А где хотите! – рявкнул «крокодил морских сражений». – Ищите по тюрьмам, ловите в горах и пустынях, на рынках и в селеньях. Хватайте всякого, невзирая на возраст и звание! Ятаган моего палача остер и пощады не будет никому!

В беседах же с сановниками старый Гассан при любом удобном случае он «выхвалял визирьский план о завоевании Крыма морскими силами», а муллы, по его указанию, внушали народу, «что если турки не возьмут Крыма, то русские завладеют Константинополем, и мусульманская вера истреблена ими будет».

Тогда же были отправлены секретные фирманы ко всем имамам, с повелением увещевать молодежь от шестнадцати лет и выше, чтобы они шли на войну, так как нынешняя война особая – священная.

Всего к началу будущей кампании «крокодил» рассчитывал иметь под рукой огромный флот: 23 линейных корабля, 18 фрегатов, 4 шебеки, 4 бомбарды, 2 пакетбота, 5 кирлангичей, 50 канонерских шлюпок и 6 галер. Такой большой морской силы высокая Порта еще ни против кого никогда не выставляла.

Для улучшения управления Эски-Гассан разделил свой флот на две эскадры. Одна из эскадр под командованием патрон-бея (вице-адмирала) Челеби-капитана в составе 5 фрегатов и 10 канонерских шлюпок должна была отправиться на Белое (Мраморное) море и, практикуясь в мореплавании, оставаться в резерве. Остальные силы под началом самого капудан-паши весной должны были взять 50 тысяч десанта и плыть к Кинбурну, после взятия которого, Гассан-паша должен был отправиться в Измаил главным сераскиром и возглавить боевые действия против российских войск.

Следующий 1788 год должен был стать, по мнению старого Гассана, годом великих побед правоверных над неверными.

Часть вторая

Очаковская эпопея

Глава первая

Принцы и пираты

Уже осенью 1787 года стало очевидной большая нехватка офицеров и особенно флагманов для Черноморского флота. На Балтику рассчитывать особо не приходилось, так как там уже вовсю собиралась Средиземноморская эскадра, да и не слишком дружеские намерения шведского короля Густава Третьего заставляли держать в боеготовности еще одну эскадру. Все это вынудило Потемкина искать опытных офицеров за границей. Через кабинет Екатерины Второй он начались переговоры с контр-адмиралом Кинсбергенем, прославившимся еще в прежнюю русско-турецкую войну. Ныне Кинсберген пребывал в своей родной Голландии. По высочайшему повелению в переписку с Кинсбергенем вступил посол в Мюнхене Петерсен. Первые его реляции внушали оптимизм на скорое возвращение известного моряка на русскую службу. Последний поначалу выказывал горячее желание «посвятить себя службе всемилостивейшей государыне, представляющей ему столь лестный случай к усугублению славы, которую он уже в победоносных Ее войсках». Однако не получив назначения командующим Средиземноморской эскадрой, на которое рассчитывал, Кинсберген сразу же наотрез отказался идти на русскую службу, сославшись на семейные обстоятельства.

Тогда по европейским посольствам была послана инструкция искать всех, кто имеет опыт морских боев и может быть полезен России.

* * *

Одним из первых приобретений стал Иосиф де Рибас испанец по происхождению сын мелкого чиновника военного министерства Неаполитанского королевства. Де Рибас был авантюрен, храбр, хитер и предприимчив. Свою карьеру начал с неаполитанской армии. Однако в Неаполе ему скоро стало скучно, и в 1772 году он появился в Ливорно в резиденции графа Алексея Орлова и предложил ему свою шпагу. Чем помогал Орлову в Ливорно тогда де Рибас, мы не знаем, но в том же году он прибыл в Санкт-Петербург с рекомендательными письмами графа. Вскоре он возвращается обратно, получает чин капитана русской армии и стал генеральс-адъютантом графа Орлова.

Иосиф Михайлович де Рибас

В это время де Рибас выполняет секретные и пикантные поручения графа. Особо нецеленой оказалась помощь хитрого де Рибаса при поимке знаменитой авантюристки, претендовавшей на российский престол, известной под именем «княжны Таракановой». Именно де Рибас под именем майором Ивана Кристиненова являлся посредником между таинственной княжной и графом Орловым. Именно он заманил доверчивую самозванку на корабль к Орлову, где она и была арестована. Потом снова был Петербург и снова какие-то секретные поручения.

Однако этого де Рибасу мало, и он решил улучшить свою карьеру выгодной женитьбой. Избранницей авантюриста стала Анастасия Соколова дочь Ивана Бецкого, того самого, который по дворцовым слухам являлся отцом самой Екатерины Второй. Таким образом, женившись на возможной сводной сестре императрицы, де Рибас стали и ее родственником. С этого момента награды на самом деле сыплются, на вчера еще безвестного испанца, как из рога изобилия. «Ее Величество оказывает Рибасу всевозможные милости, – пишет маркиз де Жуиньи графу де Вержену в 1776 года. – Она желала бы даже дать ему знаки отличия, но вместе с тем желала бы, из-за общественного мнения, иметь причины, которые оправдывали бы ее особые милости».

После женитьбы за каких-то три года де Рибас становится из капитана полковником. Затем он некоторое время даже служит воспитателем внебрачного сына Екатерины и графа Григория Орлова графа Алексея Бобринского, что говорит о большом доверии, так как его посвящают в семейные тайны императрицы.

Современники отмечают, что по натуре де Рибас был незлобив, доброжелателен, очень остроумен, имел проницательный ум и иезуитскую хитрость. Внешне был симпатичен и всегда улыбчив. При этом де Рибас, как истинный шулер, всегда удачно играет в карты и с завидным постоянством очищал карманы высшего свету столицы. Говорят, что однажды князь Голицын пожаловался Екатерине Второй, что его побочного сына Делицына какой-то шулер начисто обчистил в карты и тот застрелился. Назревал скандал. Императрица сразу все поняла и спросила:

– Кто обыграл? Не Рибас ли?

При расследовании оказалось, что бедного Делицына действительно обыграл де Рибас. Впрочем, так как в картишки любила вечерами перекинуться и сама Екатерина, это происшествие никаких последствий для де Рибаса не имело.

С де Рибасом связана еще одна тайна. В 1777 году у него, якобы, рождается сын Иосиф Сабир (Сабир – это перевертыш фамилии Рибас). Кто являлся матерью этого ребенка так и осталось неизвестным. Ходили слухи, что это была, чуть ли не Екатерина. Любопытно, что уже в следующем году де Рибас получает высшую награду Мальтийского ордена – орден святого Иоанна Иерусалимского, но за что именно нам неизвестно.

Портрет И. И. Сабира

Когда в 1787 году Потемкин обратился к императрице с просьбой о присылке к нему деятельных людей, Екатерина сразу вспомнила о де Рибасе.

– Такой проходимец и хитрец Гришеньке точно пригодится! – решила она.

Впрочем, де Рибас и сам рвался на юг, где начиналась война, и где он мог отличиться и сделать карьеру. К Потемкину он прибывает уже в чине генерал-майора. Так как до этого де Рибас еще ни разу не воевал, поручить ему что-то серьезное Потемкин не решается и назначает дежурным генералом в ставке. Помимо текущих дел отныне де Рибас начинает там заниматься и разведкой, делом, для которого он был лучше всего подготовлен, и в котором понимал толк. Однако сам испанец рвался в бой и мечтал о славе генерала-победителя и графском титуле.

* * *

Вторым иностранцем в ставке светлейшего был Нассау-Зиген принц Карл-Генрих-Николай-Оттон из династии германских принцев.

Собою принц был статен, важен и надменен. Родословная Зигена была столь запутанна, что строгие австрийские генеалоги в титулах ему напрочь отказали. Однако в пику Вене Версаль и Варшава тотчас признали в нем принца.

Нассау-Зиген принц Карл-Генрих-Николай-Оттон

– У меня нет родины! – любил хвастать Нассау-Зиген. – Мой дом – вся Европа!

Принц кривил душой, ибо более иных стран любил он все же Францию, где был воспитан и сделал первые шаги на поприще военной карьеры. В Семилетнюю войну был адъютантом маршала Кастри.

Известность Зигену принесло участие в кругосветном плавании французского мореплавателя Луи Бугенвиля, во время которого задиристый принц не упускал случая померяться силой с кем-либо из папуасов. Во время плавания принц Нассау прославился двумя «подвигами»: на острове Таити он совратил местную принцессу, а на мысе Санта-Мария заколол шпагой тигра.

Наградой за плавание был полковничий аттестат, даденный королем Людовиком. Затем был чин генерал-майорский за участие в неудачном штурме Гибралтара. Там Нассау-Зиген командовал отрядом плавучих батарей, атаковавших крепость со стороны пролива. И хотя атака была отбита, а половина батарей перетоплена англичанами, наградой принц все же обойден не был и получил от испанского короля чин генерал-майора и звание гранда.

– Ну и что, что его отлупили, – восторгались версальские дамы. – Зато, каков храбрец!

Принц был дружен с Бомарше, великим драматургом, но никчемным человеком. Впрочем, известный интриган не раз выручал принца деньгами.

После женитьбы в Спа на богатой вдове княгине Шарлотте Сангушко, он занялся тяжбой о возвращении ему немецких владений. Но земли и замки авантюристу отдавать никто не собирался и Нассау-Зиген отправился искать счастья в Россию. Про Нассау-Зигена не без иронии в те годы говорили, что он является царедворцем всех дворов, воином всех лагерей и рыцарем всяческих приключений.

Не заезжая в Петербург, принц прибыл сразу в Крым к Потемкину. Светлейшему такой жест понравился, да и титул принца был вполне к месту. Не у каждого князя принцы на побегушках имеются!

– Будешь пока состоять при моей особе! – велел Потемкин. Екатерина II и писала Потемкину: «Странно, как тебе князь Нассау понравился, тогда, как повсюду имеет репутацию проходимца».

Во время путешествия императрицы в Крым, как мы уже знаем Нассау-Зиген был представлен Екатерине и затем сопровождал ее в пути.

Императрице принц торжественно подарил огромное эпическое полотно: «Принц Нассау, убивающий тигра». На картине гигантский Зиген руками душил похожего на кошку тигра, под ногами героя валялись уже несколько поверженных львов.

– Уж не знаю, каков принц на войне, а на картине весьма храбр! – оценила творение Екатерина.

С началом войны с турками Нассау-Зиген запросился в русский флот.

– Моряк он конечно дерьмовый, хотя и вокруг света плавал, но за неимением лучшего сойдет! – высказал свое мнение Потемкину прямой контр-адмирал Мордвинов.

– Дать ему чин капитана! – велел светлейший.

Однако недовольный принц разжалобил Потемкина, тем, что на испанской службе был генералом и тот махнул рукой:

– Ладно, будешь у меня контр-адмиралом, но заруби себе на носу, что чин сей даден тебе авансом за будущие подвиги во славу России!

По-русски Нассау-Зиген говорить не умел, и учить не желал.

– Я принц, а принцам претит говорить по-татарски! – говорил он в узком кругу.

Из всего русского языка Нассау-Зиген знал лишь два слова: «сволочь» и «давай». Первым из них он именовал матросов, а вторым обозначал все свои приказы.

По прихоти Потемкина именно Нассау-Зиген был поставлен во главе гребных судов Лиманской флотилии. Что из этого получится, не знал никто, даже сам принц крови. Впрочем, это Зигена мало волновало. Принц жаждал славы великого воина! «Славолюбивый» – так назвал его будущий адмирал Шишков.

Таков был новый младший флагман Лиманской эскадры.

* * *

Еще с самого начала войны Потемкина не оставляла мысль о создании греческой каперской флотилии на Черном море. Потемкину греки нравились смелостью и предприимчивостью.

– Эллины крейсируют и дерутся весьма храбро – не раз говорил светлейший. – Хорошо, коли бы наши морские им уподобились, но наших губит наука, которую они больше употребляют на отговорки, нежели на действия!

Все для создания каперской флотилии у Потемкина имелось: отважные корсары и их быстрые шебеки, а также множество турецких торговых судов, которые можно было захватывать и топить.

Но и это не все! Греки, несмотря на войну, спокойно проходили из Средиземного моря на своих судах через Босфор в Черное море и обратно. Дело в том, что Константинополь, да и черноморские порты очень зависели от египетского и сирийского хлеба. Любое пресечение подвоза грозило не только мятежом черни, но и мятежом янычар, а эти могли лишиться головы самого султана! Возили же хлеб одни греки. Пытались, правда, сажать к ним на суда чиновников для присмотра, но часто, выйдя с море, греки тех присмотрщиков топили и уходили в каперы. Увы, ничего поделать с этой купеческо-корсарской вольницей, турки так и не смогли.

Потому как турки именовали Мраморное море Белым, в наших документах корсарские суда именовали беломорскими. Первым вооружил свое судно и отправился на корсарский промысел таганрогский грек Антон Глези, чье судно «Панагия Дусено» удачно поохотилась у берегов Анатолии.

Только в 1788 году из Константинополя, продав туркам пшеницу, подались в Севастополь под Андреевский флаг сразу с десятков судов. Флагман корсарской флотилии носил гордое имя «Князь Потемкин Таврический».

Затем Глези переместился севернее и под Гаджибеем захватил большое турецкое судно. Потемкин был в восторге от подвигов храбреца Глези и просил у Екатерины «для лучшего сих корсаров к службе Вашего Императорского Величества поощрения» присвоить чин мичмана.

Екатерина отвечала: «Видно, что грек, который взял в Хаджибее судно, а тобою произведен мичманом, тревожил весь тот берег и до самого Очакова, что пальба их везде слышна была».

В апреле предприимчивый Глези захватил еще два судна, и довольный Потемкин снова извещает Екатерину: «Мой мичман Глези уже в третий раз себя показал. Пожалуйте ему владимирский крест для поощрения других».

– Для такого храбреца мне владимирского креста конечно не жаль! – улыбалась императрица, такие письма читая.

Но в бочке с медом была и ложка дегтя. Греки принципиально не желали служить матросами на кораблях Черноморского флота. Мордвинов не раз жаловался на это светлейшему: «Присланные в эскадру мою на судне „Спиридон“ 42 грека... из Таганрога, определены были на суда, но отказались повиноваться, и не хотели служить иначе, как на особливом судне. За такое их ослушание приказал я их высадить на ближайший берег... как не желаю иметь столь дерзких людей в команде моей».

– Каждый из нас сроднился с морем и матросская служба под властью ваших офицеров для нас унижительна! – говорили они на все увещевания.

– Что же вы желаете! – восклицал в сердцах Мердвинов.

– Дайте нам офицерские патенты, и мы пойдем на ваши корабли, но более всего желаем мы плавать на своих судах каперских!

Кроме того, греки требовали и страховки своих судов.

– То, что мы рискуем своими головами, то на это и война, но рисковать своими судами, в которых весь наш семейный капитал мы не хотим! – первым озвучил общее мнение новоиспеченный владимирский кавалер Глези.

Делать нечего, по распоряжению Потемкина каперские суда были куплены в казну. Владельцы-капитаны получили причитающиеся им деньги и со спокойным сердцем продолжили свои крейсерства.

К сожалению, никаких шканечных журналов греческие капитаны не вели, мемуаров не писали, а потому и сегодня нам известно об их подвигах очень немного.

Но были и по-настоящему громкие дела!

В мае 1788 года сразу три крейсерских судна «Панагия Попанди» капитана Галаки Батисты, «Святая Параскева» капитана Димитрия Кундури и третье капитана Куца, сторожили турок в пятнадцати милях от Килийского гирла Дуная. Ожидания их оправдались. В один из дней были замечены сразу три купеческих судна, следовавших в гирло под самым берегом.

Трубя в сигнальные трубы, греки кинулись на перехват. Увы, свалиться вплотную им помешал внезапный штитель. Впрочем, корсары не унывали, спустив шлюпки, они снова устремились к своей добыче. Увидев это, турки не стали испытывать судьбу, а бросив суда, в свою очередь, спустили шлюпки и кинулись на них к берегу. Когда же греки в запале, было, кинулись в погоню, то были отбиты ружейной пальбой. Но корсары не особо расстроились – в их руках попали сразу три приза. Пока трофеи готовили к переходу домой, из Килийского гирла выскочили две галеры и на веслах устремились в погоню за захватчиками. Море было штилевое, турки быстро настигали. С галер грохотали пушки. Поняв, что с призами дело не выгорело. Старший из капитанов Галаки Батиста, что было силы, крикнул в медный рупор:

– Братья! Бросаем захваченное и уходим! А то потеряем не только призы, но и головы!

Против таких мудрых слов возражений не было и, бросив все три плененных судна, крейсера отчаянно лавируя на жалких остатках ветра, начали отход в открытое море. Но тут судьба переменялась. Снова задул ветер. Капитан Батиста немедленно развернул свою «Панагию Попанди» и погнался за турками. Теперь уже турки из последних сил выгребали веслами, а за ними на всех парусах летела греческая шебека. И если передовая галера все же успела с одним из отбитых призов войти в гирло, то вторая была менее счастливой. Подойдя вплотную, Батиста осыпал ее картечью. Не дожидаясь развязки, с галеры обрубил буксир, бросили оба приза и поспешили спасти хотя бы собственные жизни.

– Одного упустили, но два все равно наши! – радовались на «Панагие Попанди».

Чуть позднее в большой рейд к анатолийским берегам вышло уже сразу пять крейсерских судов опытного участника лихих крейсерств еще прошлой войны капитана Георгия Ганале. И им сопутствовала удача. Каперы захватили большое купеческое судно, доверху забитое дорогими товарами.

Почти тогда же у берегов Румелии крейсировали на своих судах два таганрогских приятеля Иван Налимер и Иван Мелиси. В море добычи не было, и друзья рискнули зайти в Дунай. На рассвете они скрытно подошли к городку Мангалия. Рисковали, разумеется, но, как оказалось, не зря! Под самым берегом на мелководье мирно стояли сразу девять турецких судов.

– Добыча сама идет нам в руки! – обрадовались приятели.

Спустив шлюпки, они отправились захватывать лакомую добычу. Но вот, незадача, курс шлюпок пересек барказ с тремя десятками вооруженных турок.

– Прячем оружие и машем руками! – дал команду Иван Налимер.

В ответ с турецкого барказа тоже помахали руками. В предрассветной дымке турки решили, что это команда пришедших ночью судна направились попьанствовать на берег. За свою доверчивость они были тут же наказаны. Умелым маневром друзья-корсары обошли барказ сразу с двух сторон и когда сошлись с ним почти вплотную, Иван Мелиси крикнул:

– Да здравствует свободная Эллада! Огонь!

Неожиданным огнем все бывшие в барказе были сразу убиты или ранены. Услышав пальбу и увидев происходящее, на стоящих у берега судах немедленно обрубил якорные канаты и поспешили выброситься на берег, благо он был песчаный. Расчет был верным, чтобы стащить судно с мели надо много времени, а его-то у корсаров и не было, вот-вот могли появиться сторожевые турецкие галеры.

– Придется довольствоваться малым! – решили два Ивана.

Они выбрали самое большое судно и атаковали его, пока то не успело выбраться на берег. Выбор был удачным, так как приз оказался полностью груженым пшеницей. Второе судно захватить не удалось и его сожгли. К этому времени на берегу уже показались вооруженные турки, завязалась перестрелка.

– Уходим! – крикнул другу Иван Налимер.

– Посмотри на море! – ответил ему Иван Мелиси.

Тот глянул: со стороны моря к Мангалии спешили сразу два турецких боевых судна.

– Будем прорываться! – решили друзья. – Живыми нам сдаваться нельзя, все равно на кол посадят!

Два крейсера и захваченный приз устремились на прорыв, паля из всех пушек и ружей. Не выдержав такого напора, турецкие суда отвернули, и корсары прорвались в открытое море.

– А теперь ищите ветра от Босфора до Таганрога! – кричали они обескураженным туркам.

Кротостью нравов корсары, впрочем, не отличались. Так после захвата одного из турецких судов не поделив добычи, набили морды друг другу капитан крейсера «Святой Николай» мичман Лазарь Мариенгопуло и его помощник секретарь казенной палаты Яков Белуха. Затем разбился в шторм и сам «Святой Николай», а Мариенгопуло с Белухой принялись судиться. И если в драке верх одержал грек, то в суде более грамотный Белуха без труда отсудил все просимые им деньги.

Уже к середине 1788 года Черное море опустело. Теперь редко кто из турок отваживался на плавание. Погруснили и корсары, так как добычи сразу стало значительно меньше.

* * *

Поначалу назначенному командовать диверсионными силами на Средиземное море генералу Зборовскому вменялось приехать в Италию, где и поступить под начало к адмиралу Грейгу. Но все круто изменилось из-за начавшейся войны со шведами. Грейг с эскадрой остался на Балтике, и приехавшему во Флоренцию Зборовскому пришлось выкручиваться самому.

– Как же мне воевать-то, – недоумевал он. – Когда ни флота, ни войска нету?

Теперь генералу предписывалось «возбудить черногорских и иных им единоплеменных народов поднять оружие противу турков..., отыскать во владениях тосканских корсиканцев, в английской службе находившихся, и отправить их в Сицилию, к флоту капитану Псаро», бывшему российскому посланнику на Мальте.

О сухопутных войсках, речи, разумеется, уже не шло. Однако вскоре Зборовский повеселел, так-как деньги ему отваливали не малые. Бывало, что за раз присылали через Триест по пятнадцать – двадцать тысяч золотых червонцев. На них надо было нанимать греков в каперы, покупать им суда и оружие. В помощника к генералу были даны два друга – грек Сотири (в чине майорском) и албанец Бицилли (в чине полковничьем). Оба ребята бойкие и дельные. Они-то и начали нанимать греков на флотилию корсарскую. «Оба они, – писала генералу Екатерина, – сверх того послужить могут к возбуждению химариотов, эпиротов и других на действия против неприятеля».

А затем императрица подписала обращение к «преосвященным митрополитам, архиепископам, боголюбивым епископам и всему духовенству, благородным и нам любезноверным приматам и прочим начальникам, и всем обитателям славных греческих народов» с возвышенным призывом: «Нещастные потомки великих героев! Помяните дни древние ваших царств, славу воительности и вашей мудрости, свет проливавшей на всю вселенную. Вольность первым была удовольствием для душ возвышенных ваших предков. Примите от бессмертного их духа добродетель растерзать узы постыдного рабства, низринуть власть тиранов, яко облаком мрач-

ным вас покрывающую, которая с веками многими не могла еще истребить в сердцах ваших наследных свойств любить свободу и мужество».

Генерал Зборовский даром времени не терял. Набор в корсарскую флотилию шел полным ходом, однако откровенных разбойников он не брал:

– Негоже, чтобы всякая чернь разбойничья под флагом Андреевским по морям шаталась! Заявившуюся к нему целую шайку корсиканских головорезов, он отправил обратно.

– Мне честь державы дороже! – сказал он на недоуменные взгляды Сотири и Бицилли.

Императрице генерал писал из Флоренции: «По приезде в Италию я послал обер-офицера на Мальту, а штаб-офицера в Тоскану, где осмотрел набранные на службу 70 корсиканцев, и их отправили в Сиракузы, а бригадиру Мещерскому предписал воздержаться от их дальнейшего набора».

Увы, выгнав корсиканских разбойников, он вскоре отказал в приеме на службу и некоего артиллерийского лейтенанта Наполино Буона Парте. Лейтенант был корсиканцем и это, уже само по себе не понравилось генералу, когда же тот еще потребовал для себя майорского чина, разговор с просителем был закончен, и ему указали на дверь. Увы, окажись тогда Зборовский сговорчивее, и мировая история могла пойти по иному сценарию...

В сентябре 1788 года Зборовский из Ливорно писал в Петербург графу Безбородко: «Для составления флотилии из арматоров наших я не упустил ни одного случая, где только можно позволить вооружаться, так до сих пор дал два патента судам, находящимся в здешнем море... но не достает в здешних водах наших корсаров».

В Ливорно наши обустроились еще со времен Чесмы, с герцогом Тосканским все давно было улажено. Но от Ливорно было слишком далеко до Архипелага, где предстояло драться с турками.

Поглядев карту, Зборовский остановился на Триесте. Там хозяйничали союзники-австрийцы, на помощь которых можно было рассчитывать.

Помимо этого, нужны были и Сиракузы, что на Сицилии. Уговорить короля Фердинанд IV и его жену Марию Каролину взялся бывший флотский офицер красавец граф Андрей Разумовский. Ходили легенды, что посол быстро стал любовником королевы, и все вопросы большой политики решал в ее будуаре.

В один из дней адъютант Зборовского доложил генералу, что к нему приехал гость:

– Весьма воинственный и мрачный тип! – охарактеризовал посетителя адъютант.

– Приси! – коротко кивнул Зборовский.

Воинственным и мрачным господином оказался Ламбро Качиони, наконец-то, добравшийся через Вену и Триест до Италии.

Приезду столь известной личности Зборовский был рад и не рад. Разумеется, с авторитетом Ламбро теперь ему было куда легче формировать флотилию. Одно известие о прибытии легендарного корсара уже взбудоражило как материковую Грецию, так и Архипелаг. Однако Качиони был слишком своенравен и независим, что внушало опасения за проблемы в будущем. Однако, что случилось, то случилось.

Между тем «Минерва Севера» уже была изготовлена Качиони к первому плаванию. Как раз в это время в Триест приехал австрийский император Иосиф Второй. Посмотрев «Минерву» он остался доволен, доброжелательно оглядел и команду, сплошь состоявшую из старых, пытаных морем и турецкими галерами корсаров.

– С такими орлами и на таком прекрасном судне вы один сможете разбить весь турецкий флот и пленить султанский гарем! – милостиво пошутил император Иосиф.

Такое высокое внимание польстило Качиони. Об этом визите он гордо доносил Потемкину: «Он, между тем, изволил поговаривать здешним господам, окружавшим его, что оное мое судно его величеству понравилось лучше всех ихних десяти, которые приуготовляются здесь».

Однако вечером в ближнем кругу император был более откровенен:

– Какие разбойничьи рожи! Таким головорезам выпотрошить человека, что нам высморкаться! Не хотел бы я когда-нибудь с ними еще встретиться.

Теперь Качиони был готов к своему первому крейсерству. Выбрав якорь, на фрегате подняли паруса и «Минерва Севера» двинулась навстречу своим первым приключениям. Для пущего эффекта главный корсар стоял на шканцах в серебряном шлеме с пышным плюмажем.

– Понеслась душа в рай! – смеялся он, вдыхая полной грудью, знакомый с детства соленый морской воздух.

На пристани вдаль уходящему судну смотрел банкир Каваллар:

– Старый разбойник клятвенно заверил меня, что все призы будут присылать только в Триест, пока вырученные деньги не покроют кредит! Теперь нам остается только ждать и богатеть! – повернулся он к стоявшему рядом бухгалтеру. – Подавайте карету!

Наивный, он еще не знал, с кем связался!

Начало плавания «Минервы» оказалось удачным. Турки не ожидали разбоя на своих торговых путях и вели себя весьма беспечно. Первой добычей корсаров в водах Архипелага стали два кирлангича с пушками. Были они застигнуты врасплох и сопротивления никакого не оказали.

– Топить такие призы жалко! Тащить их в Триест далеко, а людей для самостоятельной отправки их у меня нет! – рассуждал Качиони с помощниками. – Пойдем к Кефалони, там видно будет!

Уже 23 апреля 1788 года, находясь у берегов Кефалонии, он взял на бордаж два турецких кирлангича, вооруженных один шестью, а другой двумя пушками. Кирлангичи были тут же переделаны в корсарские суда и сами отправились ловить турок. Первое хитрый корсар велел назвать «Великий князь Константин», а второй «Великий князь Александр». Пусть «бабке императрице» будет приятно в охране своих «внуков».

Вскоре у берегов Кефалонии Ламбро встретил еще два греческих купеческих судна: одно с острова Индрос, а другой из Шкодры. «Узнав о моих трудах, они (команда – В.Ш.) решили ходить со мной и их вооружили оба по 16 пушек». И тут с названиями старый корсар не прогадал. «Князь Потемкин Таврический» и «Граф Александр Безбородко» – таковы были названия нового пополнения. Теперь под началом Ламбро имелась уже целая флотилия.

– Не успел я еще как следует закатать рукава, а у меня уже свой флот в кармане! – хвастался он своему помощнику Дмитросу Мустаки. – Толи еще будет!

С захваченными судами «Минерва» пришла к острову Кефалония. Венецианцы были в ужасе. Еще бы, им не хватало вызвать на себя недовольство турок из-за выходов какого-то пирата!

Но Качиони было глубоко наплевать на стенания венецианцев. Пока суд да дело, он закупил новые пушки, порох и ядра, набрал и пару десятков бывших рыбаков, с радостью согласившихся примкнуть к удачливому корсару. Помог и русский консул на Кефалонии граф Бигилла, убедивший местные власти закрыть глаза на прибывших корсаров.

Вечером в каюту Качиони постучал вахтенный матрос:

– К вам просится какой-то капитан, говорит, что ваш старый приятель!

– Если приятель, то зови! Посмотрим, кто таков! – кивнул Качиони.

Через минуту в каюту, грохоча кабликами, спустился седоусый Мусаки, когда-то вместе с Качиони воевавший в эскадре адмирала Спиридова.

– Ламбро!

– Димитриос!

Приятели обнялись. Через полчаса Мусаки уже был капитаном одного из захваченных кирлангичей.

На следующий день Качиони привел капитанов к присяге, вручил им «арматорские» патенты, заверенные российским консулом.

– Теперь у меня уже своя флотилия и я не капитан, а адмирал! – самодовольно объявил он.

Оставив Кефалонию, флотилия направилась в Эгейское море.

Утром 30 апреля у западного побережья Мореи с «Минервы» заметили большое трехмачтовое судно.

– Похоже, что это турки! – оценил Качиони, разглядывая небрежно поставленные паруса и обвисший такелаж. – Такой жирный кусок нам упускать грех! Попробуем догнать!

Поймав в паруса попутный ветер, «Минерва» устремила на пересечку обнаруженному судну. Турки, увидев это, пошли в отрыв. Началась многочасовая погоня. Пытаясь спастись, турки повернули к берегу, чтобы укрыться в одной из бухт. Однако им в тот день не повезло, ветер поменялся, и беглецам пришлось искать спасения в открытом море. Погоня продолжалась. Первыми турок настигли более быстрые и маневренные кирлангичи. Их задача была заставить беглеца сбавить ход. Капитан Мусаки палил исключительно по рангоуту и быстро заставил турка лечь в дрейф. А затем подоспела и «Минерва Севера».

Бой был жесток, турки бились насмерть, понимая, что от греков им пощады не будет. Отчаянная пальба продолжалась до самой темноты. Ночью турки попытались улизнуть, но им снова не повезло. На море был штиль, и противники лишь медленно дрейфовали, влекомые прибрежным течением.

На рассвете взору Качиони и его соратников представил полностью разбитый корабельный остов с обрубками мачт и паутиной свисавшего такелажа. Огня турки уже не открывали, так как выбросили пушки за борт. Да и драться у них было уже некому. Когда Качиони во главе своих сорвиголов первым взобрался на палубу, ему предстало страшное зрелище: груды мертвых и умирающих, обрубки человеческих тел, снасти и обрубки рей, все перемешано и густо полито кровью. Оставшиеся в живых, уже смирившиеся с судьбой, сидя на корточках, ждали своей участи.

– Кончайте с оставшимися! – обернулся к корсарам Ламбро – И всех за борт, мне падаль на палубе не нужна!

Те выхватили сабли и, мешая друг другу, кинулись к опустившим головы туркам. Через несколько минут все было кончено...

В донесении князю Потемкину Качиони писал со всей откровенностью: «...По окончании военного действия осталось в живых 80 человек, которые так же в отмщение происходящего от их рода вероломства и крови, которое присем военном, действии скончались некоторые их моих, и словом да увидят другие, что творят, также преданы смерти».

– Турки нас, захватывая, казнят самой лютой смертью, и мы платим им той же монетой! – говорил он позднее в свое оправдание. – Это наши давние счета, и никто не может нам в том помешать!

Захваченное судно окропили святой водой от «поганой» скверны и подняли Андреевский флаг. Немедленно начали и починку. Но когда спустились в трюм, стало очевидно, что жить трофею осталось совсем недолго. Вода все прибывал, и остановить ее не было уже нельзя.

– Снимайте, что только возможно! – распорядился предводитель. Когда на борт «Минервы» было перегружено все, что представляло хоть какую-то ценность, трофей был предан огню.

Флотилия же взяла курс на Занте, чтобы исправить повреждения и пополнить запасы ядер, пороха и воды.

Отчитываясь о плавании, Качиони был весьма горд: «...Уже во всех местах турецких гремит, что Архипелаг весь наполнен военными российскими судами, в Архипелаге же нет больше никаких наших корсаров, только я с маленьким... флотом».

Но Качиони гонялся не только за турками. Не брезговал он и нейтралами. Так в мае 1788 года он остановил рагузское купеческое судно. Капитан-далматинец не слишком печалился, ведь Рагуза в войне России с турками держала нейтралитет и о том все прекрасно знают. Но на несчастье капитана, Качиони нашел в его шкатулке 800 золотых.

– Это деньги кампании, и вы не имеете никакого права их забирать! Я буду жаловаться вашему посланнику при тосканском дворе графу Моцениго! – кричал далматинец, видя, как Капчиони деловито сгребает золото в парусиновую кису.

– Вот мое право! – рассмеялся корсар и ткнул под нос пистолет. – Понюхай и заткнись!

Затем он погнался за следующим рагузским судном, которое шло на принадлежащий туркам Крит с военными припасами. Перехватить такую добычу было для Ламбро делом чести. Такой приз наглядно бы продемонстрировал всем, что Рагуза не таясь, поддерживает Константинополь. После этого руки Качиони были бы полностью развязаны. Но сорвалось! В самый момент капитан успел проскочить в порт Кандию, куда из-за тамошних пушек Ламбро уже не сунулся.

«Все мои меры употреблю сыскать такой фальш, – писал он раздосадованный, – и тем, довести, чтоб оные рагузцы подпали под наши призы».

В начале лета Качиони получил секретное письмо из Венеции. Посол Мордвинов сообщал ему о трех английских торговых судах, которые грузили в Салониках военное имущество для турок в Боснии. Какчиони он сулил богатую добычу, себе возможность получить карт-бланш в обвинении Англии в помощи туркам. Но Качиони ждала снова неудача, кто-то предупредил англичан о корсарах, и те в море так и не вышли.

Но неудачи, все же, случались не так часто, гораздо чаще опытному и предприимчивому Качиони сопутствовал успех, который людская молва множила тысячекратно. К середине июня флотилия Ламбро Качиони состояла уже из 13 вооруженных судов. Огромную добычу бойко сбывали во всех портах Средиземноморья, разве что за исключением Триеста.

А скоро подали голос и банкир Каваллар, так и не дождавшийся присылки в Триест ни одного из захваченных судов. Свои претензии он предъявлял, разумеется, не обманщику Качиони, а братьям Мордвиновым, втянувшему его в эту авантюру.

Тем временем Качиони значительно расширил ореал своих действий. Ныне он уже не ограничивался лишь Эгейским морем, а качионовские капитаны терроризировали всю торговлю от Малой Азии до Египта. Аппетиты Ламбро все росли. Теперь он уже намеревался покуситься и на какую-нибудь из прибрежных турецких крепостей.

Выбор пал на крепость Кастель-Россо, что стояла на одноименном острове к востоку от Родоса. Всезнающая агентура Качиони сообщила ему, что крепость слабо укреплена, а гарнизон мал и состоит из одних престарелых янычар-отуряков.

– Это мне подходит! Мы захватим Кастель-Россо, заберем все оружие и продовольствие, а султану надолго испортим настроение! – решился на приступ гроза Средиземноморья.

Собрав у острова Парос флотилию, он взял курс на Кастель-Россо. Утром 24 июня Качиони внезапно высадил на берег острова десант и начал штурм крепости. Вначале, как и подобает в таких случаях, крепость подверглась жестокому многочасовому обстрелу. Этого оказалось более чем достаточно. К середине дня престарелый гарнизон спустил флаг. Переговорщиком они выслали местного митрополита, которому не без труда удалось убедить Качиони не резать головы сдавшимся. Нехотя Качиони пообещал никого не убивать.

После чего турки с облегчением передали ему ключи от крепости и открыли ворота. Но Качиони не был бы Качиони, если бы не нашел способа, хоть как-то унижить своих заклятых врагов. Выходящих из крепости стариков-отуряков прогнали под склоненными греческими саблями. Старые янычары плакали от позора.

– Чтобы никогда не забыли победоносное наше оружие! – громко смеялся старый корсар, плюясь в их сторону.

Надолго задерживаться у острова Качиони не собирался. Весь порох, ядра и три десятка пушек были быстро погружены на суда. Большие крепостные пушки сбросили в воду. Сама крепость и городок при ней, между делом, основательно разграбили.

Это был уже откровенный вызов султану, и он не остался безнаказанным. Вскоре в Эгейском море появилась карательная турецкая эскадра. Поначалу она была небольшая, но к концу лета турки нарастили силы и эскадра уже имела два десятка вымпелов. Теперь корсары гонялись за купцами, а турки за корсарами.

На отдых Качиони отводил свои суда на Мальту. Дело в том, что российским поверенным там был бригадир Антонио Псаро, старый соратник Какчиони еще по прошлой войне. Мальтийские рыцари были бедны, и все время клянчили в Петербурге деньги, против флотилии Качиони они, по этой причине, ничего против не имели.

– Да стойте, сколько хотите! – улыбался великий магистр Эмманюэль де Роан-Польдюк. – Ваша императрица так щедра, что мы и обретаемся ныне лишь ее милостью!

Встреча заклятых врагов была неизбежна, и она произошла 20 августа 1788 года, когда «Минерва» случайно столкнулась у острова Скарпента нос к носу с отрядом в восемь вымпелов. Встреча произошла неожиданно для Качиони и в самый неподходящий для него момент. Как раз перед этой встречей шторм разъединил флотилию и «Минерва» в одиночестве конвоировал два накануне захваченных приза с грузом кофе и пшеницы. Вождь корсаров в это время отдохновлялся в каюте с бутылкой анисовой водки-узо, запивая ее водой и неспешно заедая помидором.

– На горизонте паруса! Много парусов! Правят на нас! – внезапно раздалось сверху.

Как был в феске и босиком, Ламбро выскочил наверх. Фрегат тяжело валяло на послештормовой зыби.

– Это турки! – сразу определил Качиони, разглядев внезапно появившиеся на горизонте суда. – И кажется, нам от них сегодня не уйти! Они на ветре!

Пытаясь спасти трофеи, предводитель корсаров прокричал на призы, чтобы, находящиеся на них греки, уводили трофеи с места предстоящего сражения.

– У турок линейный корабль, фрегат и шесть кирлангичей! Это, как минимум, пятикратный пекревес! Спавимся ли? – вопрошали матросы, с тревогой глядя на приближавшихся турок и с надеждой на Качиони.

– Что головы повесили! Пятикратный перевес это же не десятикратный, а значит, будем драться! – кричал им со шканцев Ламбро. – Но вначале помолимся!

На «Минерве» готовились к решительному, и может быть последнему для себя бою.

– Ах, проклятые малаки! – внезапно затопал Ламбро босыми ногами. – Это уже слишком! Они хотят обогатиться за наш счет!

Турецкий командующий отделил три наиболее быстроходных кирлангича, которые на всех парусах устремились за убегающими призами. Остальные же развернули свои форштевни на «Минерву». Ближе к полудню ударили выстрелы. Сражение началось. Турки непрерывно маневрировали, стараясь взять «Минерву» в два огня, но ведомая рукой опытного кормчего, та уворачивалась от такого смертельного соседства. Спасало греков и неточная пальба турок, которые никак не могли пристреляться на стремительной короткой качке.

Как турки, так и греки палили, прежде всего, в рангоут. Турки делали это в надежде, что, повредив оный на фрегате, они затем возьмут его на абордаж, греки, в надежде, что получив повреждения в рангоуте, турки от них отстанут.

К вечеру море несколько успокоилось, и стрельба турок стала точнее. Все чаще кричали раненные, и летела во все стороны острая щепка от разбитых бортов.

– Если нас что еще и спасет, так это темнота! – с надеждой глядел Качиони на садящееся в море солнце. – Скорее! Скорее!

И вот солнце село. Над морем сразу опустилась темнота. Турки тоже стали палить все реже и реже, а потом совсем затихли, посчитав за лучшее дожидаться утра и тогда довершить начатое.

На шканцах «Минервы» лихорадочно совещались, что делать дальше. Поначалу решили сжечь «Минерву» и уходить под парусами на лодках. Но тут же выяснилось, что крьюйт-камера пуста, весь порох за день распалили.

Наскоро исправив повреждения, стараясь не шуметь, Качиони начал потихоньку отрываться от турок. Вот силуэты их судов и фонарей на них стали бледнее, вот их уже совсем не стало видно. Теперь только вперед, чтобы успеть за темное время уйти как можно дальше!

Утром турок на горизонте уже не было. Корсары приободрились.

– Каковы потери? – справился предводитель.

– Один мертв и четыре ранены. Еще один возможно к вечеру представится! – доложили ему.

– Легко отделались! – перекрестился корсар.

– А хорошо мы османам вчера дали! Будут помнить! – хохотали корсары – А то губу раскатали – Качиони им подавай!

В письме князю Потемкину Качиони докладывал: «...Близ острова Скарпанта, где, случившись один без моей флотилии только с двумя призами, встретился с восемью турецкими военными судами. Из которых три отделились тогда, чтобы догнать и те мои два приза, а с прочими пятью от полудня до наступления ночи непрерывно сражался и защищался, и напоследок турки сбиты и замешаны, что едва могли направить парусы и обратиться с немалым убытком в бег; с моей же стороны последовала очень малая потеря...»

В конце 1788 года Качиони предпринял со своей флотилией рейд к самим Дарданеллам.

– Мы причешем турок своим гребнем так, что не оставим ни одного волоса!

Итогом этого рейда стал захват девяти больших груженных зерном судов. Мелких захвачено было столь много, что их просто сжигали. Морские пути опустели. В турецких портах царила паника. Никто не желал идти в море. Мгновенно подскочили цены на хлеб в Константинополе.

– Наш Качиони довольный страх в турках посеял! – потирал руки довольный Зборовский. – То ли еще дальше будет!

Помогая отважному корсару, генерал слал ему припасы и деньги в Триест. Однако вскоре восторг у Зборовского поубавился.

Дело в том, что постоянные нападения корсаров Качиони на суда нейтральных государств возмутили Екатерину, так как послы резонно заявляли, что все нападавшие имели на мачтах Андреевские флаги. А потому императрица выразила свое недовольство:

– Что же о нас подумают в Европе, будто мы пираты какие! Качиони с друзьями грабят всех, кого ни попадя и делают это под флагом Андреевским, имея на руках наши патенты. Ежели так будет продолжаться и далее, то скоро флаг наш будут в державах европейских почитать за пиратский! Такого быть не должно и безобразия следует прекратить немедленно!

Чтобы образумить азартных греков в Ливорно отбыл капитан генерал-майорского ранга Семен Гибс, моряк опытный и человек решительный. Перед отъездом его напутствовал вице-президент адмиралтейств-коллегии граф Чернышев. Сидя на своем знаменитом стуле-пеньке, среди клеток с кенарями, он был лаконичен:

– Образумь и внуши!

На груди Гибс вез высочайший указ «для прекращения притеснений, оказываемых подданным нейтральных держав арматорами, плавающими под русским военным флагом». Помимо этого, Гибсу были дадены и особые правила для «партикулярных корсаров» специальные правила с приложением переводов этих правил на французский, итальянский и греческий языки.

«Турецкие пленные преклоняются перед Качионсом»

Узнавши о бесчинствах Качиони на морских дорогах, разгневался и Потемкин, велевший Качиони прибыть к нему для объяснений. Дорога от Петербурга и Очакова до Ливорно не слишком близкая. И пока капитан генерал-майорского ранга Гибс и потемкинский курьер тряслись на перекладных, Ламбро Качиони, в какой уже раз вычищал дороги Средиземноморья от всех встречных, невзирая на флаги и угрозы.

С наступлением осени и периода штормов Эгейское море, однако опустело, и ловить там стало некого. Настало время и Качиони возвращаться в Триест, чтобы отремонтировать изношенные суда, а заодно держать ответ перед местными банкирами.

Но прежде Триеста флотилия зашла в Зант, где ее восторженно встречали местные греки.

– Ламбро! Ламбро! – неслось отовсюду. – Ты наш герой! Ты наш Геракл! Счастлива Эллада, имея такого сына!

Ламбро скоромно улыбался. В душе же его переполняла гордость. Весной он уходил в море всего на одном судне, а осенью возвращается, имея полтора десятка вымпелов. Помимо этого, все ушедшие с ним в море уже стали весьма состоятельными людьми, получив немалую долю с награбленного.

Однако, когда веселье и празднование прибытия флотилии было в самом разгаре, к Ламбро подошел некий господин и положил руку на плечо.

– Имею к вам письмо от его сиятельства графа Моцениго! – сказал господин.

У Качиони дернулось лицо. Ничего хорошего от Моцениго он не ожидал, и не ошибся. В присланном пакете значилось, что императрица Екатерина весьма раздражена его, Качиони, поведением и сильно на него сердится, а потому отныне должен Качиони подчиняться генералу Зборовскому, который отныне ему своевольничать не даст. За там прибыл и потемкинский курьер с повелением прибыть под Очаков. Кроме того, корсар должен был вернуть обратно и все награбленное у рагузских купцов. Последнее было для Ламбро самым обидным.

На словах курьер сообщил, что в настоящее время в Сиракузах формируется еще одна флотилия, казенная, с которой ему и следует соединиться. А помимо всего прочего, там же в Сиракузах начала заседать комиссия во главе с контр-адмиралом Гибсом, рассматриваю-

щая все приходящие на него, Качиони, жалобы. Для корсара все это было настоящим ударом. Поэтому в своем письме Мордвинову он даже не стал скрывать раздражения и обиды: «... Что я, как выше значит, впал было в несчастье, причина главная греки. Греки! И из оных господ Псаро и Моцениго сии искали всегда поглотить меня и за что! Единственно по ненависти, что я, не имея ни одной казенной копейки, сделал таковые дела, как выше значит, а они, употребляя немалые тысячи казенных денег на вооружение судов ничего не сделали и в Архипелаге поныне не были».

Едва прибывшие в Триест суда зашли в гавань, то были немедленно поставлены в обязательный для всех карантин. У карантина уже теснились кредиторы Качиони. Среди них выделялась богатая карета банкира Каваллара, которому не терпелось добраться до обманщика Качиони.

На банкира Качиони плевать хотел. Сейчас его больше волновало иное:

– Если я поеду к Потемкину, то назад не вернусь, а буду ловить ставриду в Балаклаве, если я поеду к Гибсу, то буду у этого англичанина на побегушках, а потому, я не еду никуда! Пусть меня ловят по всему Средиземному морю! Поднимай паруса! Курс на Дарданеллы!

Узнав, что Качиони не желает никуда ехать, Потемкин был в гневе, а Зборовский в ярости.

– На меня, генерала российского, плевать вздумал! – топал он ногами. – В кандалы!

Обиженный неподчинением корсара, Гибс, в свою очередь, отписал гневное письмо графу Безбородко: «Кто такой Качиони – корсар или военный? Если корсар, то он должен дать залог в 20 тысяч рублей, из коих удовлетворяются обиженные корсарами». К этому времени Гибс уже присмотрел и замену упрямому греку. Выбор его пал на мальтийского рыцаря Гульельма Лоренца. Петербург с кандидатурой госпитальера согласилась, и Лоренцу был дан авансом чин капитана 2 ранга.

Вскоре в Триесте объявился и посланец Зборовского князь Мещерский, посланный для организации ремонта и перегона судов в Сиракузы. Теперь Качиони ждали не слишком приятные объяснения не только с банкирами, но и с посланцем Зборовского. Вдобавок ко всему пришло и письмо посла Мордвинова с требованием прибыть и к нему для объяснений. Сделать, нечего выслушав Каваллара и Мещерского и поклявшись обоим, что он исправится, Качиони поехал в Венецию. Уезжая, хитрый Качиони собрал всех кредиторов. Привторно вздохнув, он развел руками.

– Увы, – сказал он им, – Друзья мои я и рад бы отдать вам все деньги, но меня передали в ведение генерала Заборовского и теперь все мои капиталы у него.

– Что же теперь делать!?! – закричали раздраженные банкиры.

– Здесь находится его доверенное лицо князь Мещерский, он вам ваши деньги и вернет! – весело напутствовал незадачливых финансистов корсар.

Тогда кредиторы атаковали Мещерского. Тот, как мог, отбивался. Банкиры требовали арестовать суда Качиони, и продать их на аукционе. Французский, венецианский, неаполитанский и рагузский консулы наперебой требовали от князя выплаты денег по всем просроченным долговым распискам. Денег у Мещерского было немного, только на починку судов и отправку их в Сиракузу. Но все до копейки пришлось отдать кредиторам.

Инструкциями, данными Мещерскому, предписывалось корсаров Ламбро Качиони, которые «за неимением там еще морского начальства причиняют иногда разные своевольства», и «дабы от них вместо грабежа ими производимого, лучшую заимствовать пользу», включить в организуемую легкую флотилию на общих основаниях. Но инструкция инструкцией, а попробуй на деле отвести из Триеста в Сиракузы корсаров, ежели они того не желают! Поэтому умный Мещерский не стал корсарскую вольницу раздражать заранее неисполнимыми приказами. И правильно, себе бы дороже вышло! Заметим, что ни братья Мордвиновы, ни Качиони, ни банкир Каваллара, не были заинтересованы, чтобы флотилия Качиони попала под начало Забо-

ровского и Гиббса. Это означало крах всего их предприятия, в которое уже было вложено столько денег и сил. В лучшем случае им могли вернуть только затраченные суммы, ни о какой прибыли речи же ни шло. Так что вызвал младший Мордвинов в Венецию Качиони совсем не зря. О чем беседовали дипломат и корсар нам неизвестно, но скорее всего, обговаривали, как им обмануть Заборовского и Гиббса.

Когда Качиони вернулся, то они вместе с Мещерским осмотрели суда на предмет составления дефектной ведомости на ремонт. Глянув, в какие суммы выльется ремонт, князь пришел в ужас.

– Ни у меня, ни у Заборовского таких астрономических сумм нет! – причитал он. – Что же делать?

Качиони дипломатично промолчал.

А на следующий день начался бунт корсаров.

– Мы проливали свою кровь, зарабатывали кому-то барыши. А теперь тут пухнем с голоду! Ламбро, где наши деньги! – кричали они, собравшись у дома Качиони.

Тот немедленно появился на крыльце в своей неизменной феске. Предводитель поднял руку, и крики стихли.

– Братья! – начал он свою речь. – Не вместе ли мы проливали свою кровь?

– Вместе, Ламбро! – отвечали те.

– Не по-братски ли мы делили добычу?

– По-братски, Ламбро!

– Теперь я ничего не могу вам дать, так как нас передали в казенный флот и все деньги у русского князя, что живет у парка Мирамари!

Толпа кинулась туда. Шедшие последними капитаны, помахали Качиони рукой, а верный Мирасаки сказал:

– Мы все сделаем, как ты велел Ламбро и русскому князю придется попотеть!

– Давайте, давайте, ему это будет только на пользу! – зевнул Качиони и пошел досыпать прерванный «адмиральский час».

Но и Мещерский оказался не лыком шит. Когда корсарская вольница устроила спектакль у его дома, он сразу понял откуда дует ветер, а поняв, стал действовать.

Из докладного письма князя Мещерского от 24 января 1789 года: «Майор Ламбро Качиони неоднократно покушался как сам, так и через знакомцев своих уговаривать меня, и просить, чтобы не посылать его в Сиракузы, а отправить прямо в крейсерство, но как я всегда отвечал, что сего сделать невозможно, и чем более настоял я, в сем ответе, тем менее примечал попечения в нем о скорейшем исправлении судов... Наконец, когда все было окончено и все суда уже вышли на рейд, ожидая первого способного ветра, чтобы сняться с якоря, майор пришел к консулу нашему, сказал, что он знает, что ему все изменят, и что я сказал, что от него отымут его флотилию, почему он мне не повинуется и в Сиракузы не едет, и кричал таким голосом, что привел консула в великое замешательство... Призвав тотчас майора к себе, старался вывести его из сего заблуждения..., но Ламбро Качиони вместо повинования должного и признания своего проступка, сказал, мне, что он меня не слушает и не повинуется и в Сиракузы не едет, что отказывается от флотилии, отказывается от команды и от всего... На другой день... Ламбро Качиони пришел к консулу нашему, бросил ему на стол бумагу, и нехотя выслушать от него ни слова, вышел от него вон. Бумага сия содержала в себе на меня протест и наполнена дерзкими выражениями жалоб, в заключение оной объявляет, что находится в военном порте, и что уже предал себя покровительству императора. Потом пришел прямо к губернатору, которому представил письменное о сем объявление, и просил принять его в службу и покровительство императора. Губернатор отказал ему принять сие прошение и купно с командующим генералом старался обратить его к должности, уговаривая и советуя дружески, но он не только не хотел внимать благоразумным их советам., сказал им, что он не русский, а

грек, и потому ничем российской императрице не обязан и никакому российскому начальнику не повинует, а притом, ежели захочут употребить над ним какое насилие, то он имеет много людей на своей стороне. После чего собрал к себе, сколько мог капитанов сих судов и матросов, внушая им, чтоб они моим приказаниям никак не повиновались и на суда свои отсюда бы не ходили и знали бы только его одного. Потом, вышел на площадь города, кричал во весь голос, что я хочу отнять его флотилию, что хочу его и людей всех его погубить, что мне прислано от двора пятьдесят тысяч червонных для награждения им, но я оные похитил, присвоив себе, и не дал им ничего, и таковыми разными средствами подвигал их к бунту.

Узнав о сем, я пошел немедленно к губернатору и просил, чтоб повелело было его арестовать... Видя, что не мог словесно убедить губернатора и командующего генерала арестовать его, подал о том письменно ноту, на которое последовало решение удовлетворить мое требование и его арестовать. Созвав потом, к себе всех капитанов, требовал от них отзыва, кто повинует идти в Сиракузы, но как они уже были от него предупреждены внушением, что кто из них будет повиноваться моим повелениям, тот не получит ничего за все время их службы и должной им из призов части. Почти все отказали, исключая, тех, которые я вчерашнего дня под командою Петра Алесизополя отправил в Сиракузы.

...В требовании кредиторов я подозреваю общее с ним согласие. Он и поныне продолжает, будучи под арестом свои деяния, подает на меня протесты и поощряет своих людей требовать освобождения его...»

Итак, время шло, а Ламбро Качиони сидел под арестом. Друг Качиони Николай Жоржио собрал пару сотен корсаров, чтобы освободить его силой, но Ламбро воспротивился:

– Не хватало нам еще драк со своими! Все образуется.

Капитаны качионовские без своего предводителя тоже наотрез отказывались следовать в Сиракузы, прекрасно понимая, что там у них сразу отнимут патенты. Пришла весна, кончились шторма, и турецкие купцы снова вышли в море. Новости на Средиземноморье распространяются быстро. А потому во всех портах все давно уже знали, что страшный Качиони сидит в тюрьме, а его флотилия на приколе. Теперь турецкие, египетские, далматинские, алжирские и тунисские моряки снова плавали без всякой боязни.

Из Петербурга между тем слали письма, запрашивая, когда же, наконец, начнется крейсерство против турок. Заборовский нервничал и матерился, так как казенная флотилия все еще не могла выйти в море.

– Особождайте Качиони! Пусть, как можно скорее, идет в море и хватает турок за жабры! Потребуйте от него только одно, чтобы отныне он подчиняться во всем адмиралу Гибсу!

Разумеется, Ламбро тут же все пообещал. Но едва он покинул стены своей темницы, его снова атаквали банкиры.

– Ламбро! Мы все уже знаем! – кричали они наперебой. – Твоя флотилия снова принадлежит одному тебе, а потому ты должен нам все оплатить!

С тоской глядя на векселя под своим носом, старый корсар клятвенно заверил банкиров, что сейчас у него денег нет, потому что пока он был под арестом, все разграбили. Но сейчас он снова идет в море и вернет долги со всеми процентами. Кредиторы несколько поубавили пыл, обдумывая ситуацию, а Ламбро повернул дело так, что еще подзаял деньжат, чтобы завершить ремонт и снабдить свои суда всем необходимым.

– Не жадничайте! Не жадничайте! – покрикивал он на банкиров, которые с сомнениями совали ему на подпись новые векселя. – Вы просто озолотитесь на мне, потому, что я самый удачливый от Хиоса до Гибралтара!

В Сиракузах, тем временем, готовились к действиям на турецких коммуникациях казенная флотилия Лоренца. В состав ее вошли: три фрегата 50-пушечный «Фама», под началом самого Лоренца, 20-пушечные «Абонданцо» лейтенанта Телесницкого и «Перфет Альянс» капитана Войновича, племянника черноморского графа, пакетбот «Российский Орел» в 24

пушки лейтенанта Дешаплетта, шебеки «Святая Екатерина», «Святой Николай», «Минерва», полакра «Святой Иоанн» и кирлангич «Святой Николай». Своей базой Лоренц объявил Сиракузы и Мессину.

В Триесте под дланью Качиони были не менее представительные силы: фрегат «Минерва Севера», кирлангичи «Великий князь Константин» и «Великий князь Александр», полакры «Ахиллес Славный», «Святой Иоанн Патмосит», «Великая княгиня Мария», «Святой Лука», «Иосиф Второй», «Великий князь Павел». Свои суда Ламбро вооружал по принципу «кашу маслом не испортишь», а потому даже маленькие полакры было наставлено по два десятка пушек, больше на них просто не умещалось.

В соответствии с планом генерал-поручика Заборовского, корсарская и казенная флотилии должны были встретиться в море, и затем единым флотом отправиться в северную часть Эгейского моря. Там предполагалось, что суда объединенной флотилии развернутся цепью от Афонской горы до Малой Азии для блокирования Дарданелл и пресечения подвоза хлеба в Константинополь.

Вскоре обе флотилии вышли в море, чтобы сеять страх и ужас среди врагов.

* * *

В один из осенних дней 1787 года российский посол в Париже граф Иван Симолин пригласил к себе одного из проживавших во французской столице безработных моряков. Встреча происходила в глубокой тайне. Посол крайне не хотел, чтобы о предстоящей встрече кто-нибудь узнал. Гостя встречал внизу лакей из дворовых людей посла. Наконец зазвонил колокольчик на крыльце. Пришедший был щупл и худ. Потертый камзол болтался на нем мешком. Редкие белесые волосы были сплетены в коротенькую косичку, перевязанную синей лентой. Поздоровались. Лакеи подали кофе.

– Чем вы сейчас занимаетесь? – поинтересовался Смолин, лениво помешивая ложечкой сахару.

– Проживав призовые деньги! – невесело усмехнулся гость. Французский выговор его был невероятно плох.

– Ну, а чем планируете заняться, когда все проживете? – отпил глоток обжигающей жидкости посол.

– Дальше? – задумался посетитель на мгновение. – Дальше я наймусь капитаном какого-нибудь торгового судна. По крайней мере, на кусок хлеба себе я всегда заработаю!

– Но ведь с вашим талантом вы достойны куда большего!

– Увы, это сегодня пока никому не надо!

– Почему же, – усмехнулся Смолин. – Ваш талант именно сегодня нужен как никогда ранее!

– Кому же? – поднял брови удивленный посетитель.

– России!

– России??!! – гость на мгновение запнулся. – Ваше предложение для меня большая неожиданность. К тому же я закоренелый республиканец и нынешняя форма, правления у России совершенно не согласуется с моими взглядами.

– Ну, это не главное, – махнул рукой посол, – Вы же вполне уживаетесь с французским королем! К тому же в случае вашего согласия вам будет дан адмиральский чин и эскадра кораблей в подчинение.

– Но я привык воевать, а не стоять в гавани? – вскинул, было, голову гость.

Тут уж Смолин рассмеялся от души:

– Чего-чего, а насчет этого не стоит беспокоиться, войн у нас на всех хватит!

– Предложение ваше чрезвычайно заманчиво, но я прощу хотя бы день на обдумывание!

– Несомненно! – встав, Смолен крепко пожал руку гостю. – Надеюсь, что жму руку будущему адмиралу российского флота!

Звали посетителя Джон Поль Джонс. Имя его было известно в Европе и Америке каждому, вызывая искреннее восхищение одних и жгучую ненависть других. Еще при жизни личность этого человека, были окружены легендами. Много позже его подвигам посвятили свои романы Александр Дюма, Фенимор Купер и Теккерей. А могила героя в североамериканском Аннаполисе сегодня является местом поклонения моряков США...

Спустя несколько недель Джон Поль-Джонс написал прошение на имя российской императрицы, прося принять его в русскую службу. Кем же был этот человек? Чем прославил он себя, прежде чем вступил в ряды российского флота?

О нем писали Александр Дюма, Теккерей и Фенимор Купер, он был дружен с Суворовым и Бенджаменом Франклиным, в его честь учреждали медали, а именем пугали детей. Он был проклят на родине и стал посмертным национальным героем на другом конце света. Редьярд Киплинг посвятил ему свою знаменитую «Балладу о трех капитанах», излив там всю злобу на изменника:

Джон Пол Джонс

*Я б со шканцев согнал его и на реи работать пустил,
Я бы уши его пригвоздил к шпилью и отпилил их, как есть,
И, посолив их в трюмной воде, сырыми заставил бы съесть,
Я бы в шлюпку без весел его посадил, чтоб в ночи он всплывал и
тонул.
Привязал бы во тьме к его же корме, чтоб приманивать хищных
акул,
В шелуху какао его б завернул, нефтью облив его,
Чтобы, ярко ал, он на мачте пылал, освещая мое торжество,
Я бы сплел гамак из его бороды, а из кожи нарезал полос,
Всю б команду вокруг посадил на бамбук, чтоб в гниющее тело он
врос,
Я бы кинул его возле мангровых роц, на вязком илистом дне,
Привязав за ступню к его кораблю, в жертву крабьей клешне!*

Поразительно, но на протяжении всей своей весьма пространной баллады Киплинг, проклиная капитана-янки и придумывая ему нечеловеческие казни, тем не менее, ни разу не назвал его имя. Впрочем, всем и так было ясно, что этот капитан никто иной, как Поль Джонс.

* * *

К моменту визита к российскому послу, за плечами сорокалетнего шотландского моряка была уже долгая, полная приключений жизнь. Все началось в июле 1747 года, когда в местечке Кэркбин, что в шотландском Галлоуэе, в семье садовника Джона Поля родился сын. В честь отца его назвали Джон Полем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.